

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5031098>

Тьма за твоим порогом

Направленность: Джен

Автор: zidian (<https://ficbook.net/authors/744249>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер»

Рейтинг: NC-17

Жанры: Фэнтези, Даркфик, Ужасы, Учебные заведения, Попаданцы

Предупреждения: Смерть основного персонажа, Насилие, ОЖП, Кинк, Каннибализм, Гуро, Смерть второстепенного персонажа, Элементы гета, Элементы фемслэша

Размер: планируется Макси, написано 36 страниц

Кол-во частей: 9

Статус: в процессе

Описание:

Магическая Британия, да и весь магический мир погрязли в магглоненавистничестве. Чёрный маг Грин-де-Вальд планирует превратить простых людей в рабов. В Хогвартсе тем временем юный Реддл делает первые неуверенные шаги на пути ко злу.

Но волшебники и не предполагают, что в этот раз судьбе не суждено завершить свою игру. Её жернова изломаны безжалостной рукой.

В мир явился монстр, одинаково жестокий ко всем. Тёмная ведьма, для которой самая кошмарная их магия - не более, чем детская игрушка.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Попадание	3
Примечание к части	5
Вхождение в род	6
Наследство	11
Примечание к части	14
Подготовка к школе	15
Встреча	22
Примечание к части	25
Краткая справка о персонажах	26
Десять лет спустя	28
Примечание к части	30
Японская эстетика. Часть 1	31
Примечание к части	35
Японская эстетика. Часть 2	36
Примечание к части	43

Попадание

*Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех страстей
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих*

*Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье.
Оно поглотит мир одним своим зевком!*

*То — Скука! — облаком своей houка одета
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник
Ты знал чудовище утонченное это?**

Молодая шатенка поднимает голову, чтобы поймать прищуренными карими глазами первые лучи вспыхнувшей над холмом зари. Её губы трогает косая усмешка. Женщина сбрасывает с себя чёрную мантию, и оставшись совершенно обнажённой, делает несколько шагов босыми ногами по холодной и влажной от росы траве, поднимаясь на самый край природной возвышенности.

Подняв руку, она начинает читать текст на неизвестном языке. Звуки летят, чистые и прекрасные, как лёгкий полёт небесных птиц, или блеск солнца в каплях весеннего дождя. Но чем дальше, тем неприятнее и злее звучат слова. Гласные в них меняются местами, согласные растягиваются и становятся более грубыми и глухими. Язык будто бы всё тот же, но теперь он напоминает скорее рык хищных зверей, разрывающих более слабого собрата, или грязное чавканье и бульканье болотной жижи.

Тени ложатся на землю, растягиваясь и удлиняясь, так что отвоёвывают даже территории, занятые рассветными лучами. В их тьме лицо колдуньи становится похоже на зловещую непропорциональную маску.

Чахнет трава, увядая и наливаясь коричневой, создавая мёртвую область, в виде круга, под ногами женщины.

Стонет и болезненно воеет сама реальность. Её леденящий крик, услышать который, правда, способен далеко не всякий, рождается между стенками призрачного лабиринта множества миров, но он вызывает лишь извращённую садистскую улыбку на лице колдуньи.

Повинуясь движению её кисти, в руке женщины появляется колдовская палочка.

Взмах — и тело колдуньи начинает изменяться в размерах, кривясь и ломаясь; мышцы и кости проступают то в одном, то в другом месте, образуя уродливые угловатые формы.

Тем временем, хоровод теней отрывается от земли, подхватывая комок корчащейся плоти и увлекая его в разлом, пробитый в границе мира.

То, что осталось от тела колдуньи, облепленное тенями, устремляется сквозь лабиринт изнанки бытия, под неистовый вой и радостное улюлюканье демонов, кинувшихся пожирать лакомство, в виде оторванных кусков изувеченной реальности, оставленных

ритуалом.

27 февраля 1928 года. 1 час 15 минут.

Она ещё не успела родиться. Чистая, невинная душа, смиренно ожидающая пробуждения в крошечном беспомощном тельце, скрытом от опасностей внешнего мира внутри тела любящей матери.

Однако, сегодня опасность прорвалась оттуда, откуда никто не мог бы ожидать.

В одно мгновение в уютной материнской утробе стало вдруг слишком тесно. Малышка не могла видеть, как рядом с ней появляется нечто, слишком похожее на обычного человеческого ребёнка, но яростно забила ручками в попытках отстраниться, гонимая нахлынувшей волной дикого инстинктивного страха.

Это её не спасает. Чудовищный двойник, открыв крошечный рот, обхватывает обречённую маленькими ручками, притягивая к себе. Укус, и острые треугольные зубы впиваются в тело жертвы, вырывая кусок плоти.

На пятом куске, пропавшем в утробе монстра, ребёнок затих. Всего не расправу ушло чуть более получаса.

Наконец, когда последний окровавленный кусочек мяса был поглощён, неестественно ловкая младенческая ручка хватает обгрызенный ошмёток пуповины и приставляет его к собственному животу. Тот, вопреки всем законам биологии, занимает предложенное место. Вторженец успешно подменяет оригинал.

27 февраля 1928 года. 7 часов 48 минут.

Этой ночью графиню мучили сильные спазмы, а ребёнок, которого они с мужем так ждут, брыкался и пинался в животе. Женщина не решилась будить мужа, и сейчас жалеет об этом.

Самое страшное обнаружилось утром. К ужасу ведьмы, всё простыня в области её ног оказалась залита кровью.

От страха и душевной боли, графиня едва не сходит с ума. А её супруг, обнаруживший кровавую находку вместе с женщиной, пребывает в состоянии, близком к трауру.

Тем не менее, к удивлению отчаявшихся родителей, колдомедик, проверив состояние несчастной, заверяет, что нерождённая девочка жива и находится в относительной безопасности.

Позже это происшествие посчитают вмешательством самой Магии, защитившей наследницу во время спазм матери. И, чтобы в будущем трагедия не повторилось, женщине пропишут настойку из пустырника, которую та, будучи верной женой, продолжит пить до самого дня родов.

1 апреля 1928 года. 16 часов 20 минут.

Роды проходят очень тяжело.

Три колдомедика и одна помощница сражаются за жизнь графини и её ребёнка. Наконец, граф, глубоко вздохнув, принимает тяжёлое решение. Кивком головы он велит прекратить помощь женщине и сосредоточится на ребёнке. Женщина умирает от боли и кровопотери прямо на лечебной койке. И уже лишь после её смерти маги извлекают из тела ребёнка. К безумному счастью только что ставшего вдовцом — живого.

Граф протягивает руки и осторожно, как только может, принимает у медиков младенца. Он смотрит в ясные карие глаза девочки, и ему кажется, что та понимает всё, что происходит.

С любовью мужчина возносит окровавленными руками дочь на уровень лица и произносит с торжественностью, совершенно не подходящей для набитой людьми врачебной палаты:

— Гортензия. Я нарекаю тебя — Гортензия Селвин.

Девочка улыбается ему, а спустя пару секунд начинает кричать. Врачи радостно смеются. Сегодня они смогли совершить чудо, и спасти по крайней мере одну жизнь.

Примечание к части

* Шарль Бодлер. Предисловие к «Цветам зла»

Вхождение в род

31 марта 1933 года. Около 11 часов утра

Эдвард Селвин. Граф Селвин, глава рода Селвин

Гортензия вертится перед зеркалом, занятая примеркой нового платья.

Глава рода Селвин с удовольствием наблюдает за дочерью. Маленькая ведьма уже сейчас может похвастаться достойной силой. В то время, как другие дети её возраста обычно способны лишь вызывать неконтролируемые магические реакции, находясь в состоянии повышенного возбуждения, Гортензия пользуется своей магией легко и непринуждённо. В первые годы это вызвало опасения у Эдварда, который решил, что дочь и вовсе лишена магический выбросов. Однако после одного случая его мнение поменялось.

Год назад мужчина случайно стал свидетелем того, как один из домовиков преградил дорогу девочке, и за что-то отчитывал ребёнка. Внезапно невидимая сила подхватила домового эльфа и с огромной силой припечатала лицом к стене. При этом ни одна другая вещь в доме не пострадала. Эдвард в тот момент был столь обрадован таким ярким проявлением магии, что даже не наказал домовика, посмеявшегося повысить голос на ребёнка. Впрочем, он сделал это позднее.

После того случая счастливый отец стал обращать внимание на ранее не замеченные мелочи — тут пропали сладости, спрятанные в шкаф, там — оказалось открытой запертая на ключ дверь, здесь — очередной домовик щеголяет разорванным ухом. Разумеется, такое возможно лишь в детском возрасте, когда магия бьёт через край, однако способность управлять магическими выбросами характеризует силу будущего мага, и насколько граф мог судить — его наследница в будущем станет одной из могущественнейших ведьм своего поколения.

В этот момент, будто только заметив, что за ней наблюдают, Гортензия обернулась, и подарила отцу улыбку.

Почему-то, всего на мгновение, маг почувствовал непонятную жуть. Но он не придавал значения этому ощущению, не допустил его в свой разум, тут же переключившись на дальнейший мысли о дочери.

Хотя, если бы Эдвард попробовал задуматься, что же вызвало у него неприязнь, он бы заметил, что улыбаются только губы Гортензии. Карие глаза девочки взирали на отца с холодным расчётом. И едва различимой, сокрытой где-то в глубине её зрачков толикой ледяного презрения.

1 апреля 1935 года. Утро

Семилетие встретило Гортензию Селвин ярким светом Солнца, проникающим в комнату сквозь распахнутые, вопреки обыкновению их для этого времени суток состоянию, шторы.

Семилетие — особый возраст для мага. Это день, с которого, как считается — юный волшебник может принимать самостоятельное участие в семейных ритуалах. И первым из череды таковых обязательно становилось Вхождение в род. Подключение к Дереву

Рода должно даровать его отпрыску защиту и покровительство магии предков — по крайней мере, так считалось. А если ребёнок покажет себя достойным наследия предков, то со временем причастность к роду начнёт приносить и гораздо более ощутимые преимущества — такие, как возможность пользоваться родовой магией и знаниями рода. Поэтому волшебники, принадлежащие к благородным семьям, старались не тянуть с введением наследников в род. Конечно, могли быть проблемы, связанные со слишком юным возрастом и малой сознательностью отпрыска, но в своей дочери глава рода Селвин не сомневался. С утра он отдал распоряжение домовикам разбудить девочку пораньше. На завтрак её ждёт роскошный пирог, ну, а сразу после — они отправятся в Гринготтс, где при поддержке гоблинов будут проведены все требуемые процедуры. На кухню Гортензия спустилась, будучи в парадной мантии и с тщательно уложенными волосами. На все сборы у девочки ушло рекордно малое количество времени, хотя в обычные дни она редко вставала раньше обеда и тратила даже на обычный утренний (или скорее — обеденный) моцион не менее получаса. Сейчас же образ кроткой и послушной дочери нарушали лишь специфичное «цоканье» при ходьбе, да заметное лишь Эдварду изменение роста — признаки, по которым маг без труда определил, что дочь надела свои излюбленные туфельки с высоким, отделанным металлом каблуком. Ненавидимые Эдвардом и крайне любимые девочкой — они были единственным элементом одежды, по поводу которого Гортензия оставалась непреклонна. Её отец же, слыша ненавистное «цоканье», каждый раз проклинал себя как за решение взять наследницу с собой в Косой Переулок в тот раз, когда им и попался злополучный предмет гардероба, так и за собственное нежелание отказывать дочери на глазах у толпы.

Впрочем, в остальном его отпрыск была образцовым наследником, и графу пришлось смириться с её единственной прихотью. А ботиночки тем временем и не думали снашиваться и даже, кажется, поменяли размер, подстраиваясь под растущую ногу Гортензии.

— Ты готова, дочь? — когда девочка закончила завтрак, маг вернулся от обдумывания странного упорства дочери к более насущным вопросам.

— Вполне! — девочка — сам оживший образец наследницы великого рода.

— Помнишь всё, что нам предстоит? Текст клятвы? Правила общения с гоблинами?

— Разумеется.

— Тогда идём. — Эдвард протянул руку. — Косой переулок!

В камин отправилась горсть летучего пороха.

1 апреля 1935 года. Обед

Прогулки по Косому переулку подошли к концу. Маг, конечно же, предпочёл бы сразу обратиться к делам, но так было не принято. Нельзя уделять гоблинам слишком много внимания, даже отправляясь по нуждам рода — необходимо показать, что почтенные маги заглянули к коротышкам лишь по пути, разобравшись с другими делами. Именно поэтому Гортензии и пришлось вставать куда раньше обычного, чтобы они могли потратить первую половину дня на ничего не значащие встречи и поход по магазинам.

— Итак, зачем глава благородного рода Селвин со своей дочерью заглянули к нам?

— голос гоблина сочился липкой, как патока, лживой подобострастностью.

— Мы хотели бы подтвердить статус наследника, а также провести Ритуал Принятия в

род и приобрести необходимые зелья. — бросил сквозь зубы граф.

— Конечно же. Проходите. Платить за всё будете из родового сейфа?

— Да.

— Прошу, юная госпожа.

Гоблин принялся суетиться с метром и линейкой, измеряя практически каждую часть тела девочки, узнал дату, время и место её рождения у графа, а под конец едва ли не обнюхал Гортензию.

Наконец, всё было закончено, и коротышка ненадолго удалился, вернувшись с чашей, украшенной фамильным гербом Селвин.

— Прошу вас, юная госпожа. Несколько капель вашей крови для участия в ритуале.

После мы используем её для определения статуса наследницы рода. Чистая формальность. — вновь заискивающе обратился нелюдь к ребёнку, протягивая ей изящную золочёную иглу.

Гортензия спокойно приняла ритуальный предмет, и глубоко проколов палец, принялась выдавливать в чашу капли ярко-алой крови. Гоблин тем временем забормотал слова обязательной клятвы:

— Клянусь не использовать эту кровь во вред наследнице рода Селвин. Клянусь не использовать эту кровь во вред роду Селвин. Клянусь не передавать эту кровь и уничтожить любые возможные остатки, после проведения всех затребованных ритуалов. Эдвард обратил внимание, что на лице Гортензии в этот момент появилось выражение брезгливости и она что-то тихо пробормотала про себя. К счастью, гоблин ничего не заметил, так что волшебник не стал придавать значения этому происшествию.

В конце концов, формальности были улажены, и отец с дочерью вступили в ритуальный зал. В поместье тоже был таковой, но все знатные рода давно предпочли выполнять подобные ритуалы при содействии гоблинов — так было проще и куда безопаснее.

Управляющий рода начал зачитывать историю семьи, периодически задавая вопросы девочке, проверяя её знания о своём роде и уточняя, будет ли она чтить предков и поступать так, как указывают ей их знания и традиции рода. Наследница рода Селвин отвечала быстро и безупречно. Иногда вопросы направлялись и самому Эдварду, тогда он поддерживал слова дочери.

— Гортензия Селвин, клянёшься ли ты хранить и поддерживать род Селвин, оберегать его историю, беречь и увеличивать его состояние, всегда действовать только в интересах Рода и не ставить свои действия в противоречие с заветами и традициями предков и основателей Рода?

— Клянусь своим правом носить перстень Рода. — уверенно ответила девочка.

Гоблин хмыкнул. Клятва была нестандартной, но твёрдой и во многом — справедливой. Предки Рода одобрили бы — улыбнулся Эдвард.

Процесс признания наследницы прошёл штатно. Гортензию, как и следовало ожидать, признали законным отпрыском Эдварда и Марии Селвин, а также единственным их ребёнком и следовательно — законной и единственной наследницей рода.

— Гортензия. — проговорил старый гоблин, вручая ведьме перстень Наследницы Рода.

— На тебя ложится ответственность за судьбу рода. Ты должна внимательно подойти к выбору жениха, он должен быть тем, кто сможет войти в род в качестве твоего супруга и принять твою фамилию. Если он захочет дать ребёнку свою фамилию, то это обязательно должен быть второй или третий ребёнок, но первый станет наследником рода Сельвин. Ты понимаешь это?

— Да. — Гортензия приняла перстень и надела на безымянный палец. Голубой сапфир, украшающий серебряный перстень наследника, блеснул, когда девочка сделала это.

— Превосходно! Будем ждать новостей о Ваших свершениях. — лицемерно оскалился низкорослик.

Его сородичи тем временем вручили Эдварду сумку с необходимыми для снижения рисков после ритуала и усиления девочки зельями, и выставили итоговый счёт за свои услуги. Сквозь зубы попрощавшись с нелюдьми, Лорд Селвин взял дочь и направился к камину, откуда можно было перенестись в поместье. Им предстояло повторить процедуру клятвы над семейным алтарём, чтобы окончательно завершить вхождение девочки в род.

Тем же вечером в банке разразится страшный скандал, когда одного из отпрысков младшей ветви Эйвери признают незаконным ребёнком. К счастью, чуть не случившуюся драму прервёт тот факт, что кровь ребёнка окажется чуждой также и для его матери. После выявления данного подозрительного факта, будет проведена повторная проверка, а инцидент позднее назовут первой и единственной ошибкой в работе гоблинской системы определения наследственности.

1 апреля 1935 года. Вечер

Дверь комнаты в комнаты Гортензии захлопнулась за девочкой, и та с усталым видом «плюхнулась» на кровать.

Однако уже в следующую секунду выражение лица ребёнка полностью изменилось. Вместо лёгкого удовлетворения и усталости, его теперь искажала гримаса отвращения и бешеной злобы. С печальным звоном сорванное и брошенное со всей силы в стену кольцо — символ наследницы, ударилось о камень и отскочило на пол.

— Жалкие ничтожества! — голос девочки дрожит от гнева, перескакивая между рыком и змеиным шипением. — Это всё на что вы способны? Слепо веровать в таких же безмозглых, но давно подошедших отбросов?

Девочка вскакивает с кровати.

— Приносить свою волю и свою магию в жертву дерьму, именуемому «традициями рода»? — Гортензия корчит лицо, передразнивая серьёзное и торжественное выражение «отца», — Вместо того, чтобы развиваться самостоятельно, продолжаете упорно связывать себя «семьёй», «долгом», «родом»? И у вас, ублюдков, достаёт наглости называть себя «магами»? Что ж...

Ведьма, выплеснув скопившееся раздражение, частично берёт себя в руки. Голос становится тише, утрачивает рычащие нотки и теперь становится окончательно похож на шипение ядовитой змеи.

— Если вам так нравится надрачивать на дохлых пращуров. — Гортензия припечатывает валяющийся перстень каблчком и несколько раз поворачивает пятку из стороны в сторону, вдавливая в пол и оставляя царапины на искусном серебряном украшении, — Я с удовольствием отправлю вас всех прямиком к ним.

Девочка смеётся. На её лицо выползает широкая, злобная, полная некой жути и садистского предвкушения ухмылка.

— Думаю, это будет справедливо.

2 апреля 1935 года. 14 часов 35 минут

Сегодня Викси, один из домовых эльфов Великой Семьи Селвин, заметил, что наследница Рода отказалась пить предназначенные для неё зелья, вместо этого вылив содержимое флакончиков в кухонный водопровод.

Викси поразился и ужаснулся увиденному. Ему едва хватило решимости продолжить незаметную слежку за ребёнком, чтобы рассказать обо всём Лорду.

Впрочем, решение эльфа ни на что не повлияло. Сделав шаг из кухни, девочка остановилась.

— Викси, покажись.

Домовику ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

— Тебе запрещено говорить или любым иным образом сообщать о том, что ты сегодня увидел. Также тебе запрещено говорить, что я отдавала тебе приказы и каким бы то ни было образом намекать, что ты хочешь что-то сообщить.

— Викси всё равно должен будет сказать, если хозяин спросит. Викси... — взор домового эльфа наткнулся на снисходительную ухмылку, и от захныкал, — Госпожа... Вы же... Вы не должны были так поступать... Эти зелья Лорд приобрёл специально. Ваш долг...

Неожиданно, чудовищный по силе удар ноги подбросил эльфа в воздух и припечатал к стене коридора.

Юная ведьма, продолжая вдавливать подошвой голову домовика в стену, подалась всем телом вперёд так, что её коленка оказалась над её плечом, а глаза — аккурат на уровне расширенных от боли глаз Викси и протянула свистящим шёпотом:

— Не смей указывать мне, что я должна делать, тварь.

Сквозь мельтешащие перед ним кровавого цвета разводы, домовый эльф увидел сияющие ледяным холодом карие глаза.

В следующее мгновение давление исчезло, и Викси свалился на пол. После чего ещё не меньше минуты ему понадобилось, чтобы встать на колени, всеми силами сохраняя сознание и стараясь не испачкать пол хозяйского особняка нечистотами.

Лицо домового эльфа заливала кровь, нос был сломан, а часть ушной раковины — полностью разможжена металлической набойкой, украшавшей каблук элегантного ботиночка.

— Не забудь убрать отовсюду кровь. — донёсся из другого конца коридора приказ Леди Гортензии.

Наследство

7 июля 1938 года. Середина дня — 8 июля 1938 года. Обед

Эдвард был в замешательстве. Нет, вернее сказать — он был в отчаянии. Он знал, что должен делать, но это совершенно не вязалась с его собственными желаниями. С тем, за что он боролся последние несколько лет. В руке растерянный маг сжимал лист бумаги. Приговор. «Гортензия Селвин. Обнаруженные болезни: бесплодна».

В этот день Эдвард не явился домой. Не напивался, нет. Просто не мог взглянуть в глаза дочери. Проведя ночь в хостеле, Лорд Селвин наконец принял решение. Гортензия умная девочка, она поймёт. И примет. Долг Рода превыше всего.

И род Селвин должен продолжиться. Лорд вынужден будет взять себе новую супругу, а дочь утратит статус наследницы и станет бесправным членом побочной тупиковой ветви. Маг вздохнул. И велел домовику позвать наследницу (пока ещё), передав той наказ облачиться в торжественную одежду. Предстоял официальный разговор.

Кажется, маг даже немного задремал, погрузившись в свои мысли, когда его вернул на землю голос дочери:

— Вы меня вызывали, отец?

— Да. Честно говоря... у меня очень плохие новости. — граф серьезно взглянул на беззаботно улыбающуюся ведьму, — Это касается всего рода Селвин.

— Что-то настолько важное произошло? — девочка наклонила голову.

— Да. Колдомедик предоставил результаты последнего обследования. К сожалению.

— Эдвард набрал в грудь воздуха и продолжил твёрдым голосом, — Ты бесплодна.

Ошибки точно нет — мы перепроверили несколько раз. Так что наследником моего рода станет другой ребёнок. Желательно — мужского пола. Сегодня же я начну искать замену твоей матери.

— А. Так вот ты о чём.

— Ты... не расстроена.

— Я знала о своём бесплодии. Это довольно легко заметить. — но причину, почему же она молчала, и что такого заметила, Гортензия раскрывать не собиралась, вместо этого, продолжив обыденным тоном: — К сожалению, я не могу позволить тебе лишиться меня наследства.

— Что? — от изумления маг даже не сумел понять, о чём говорит дочь.

В руке у девочки появилась палочка, и граф даже не смог бы сказать, откуда она взялась. Только мозг машинально отметил, что палочку Гортензии они должны будут покупать в сентябре, через год — перед поступлением в Хогвартс. А также то, что палочки не делают из таких тёмных, почти что чёрных пород древесины.

— *Сакрафиуз Морте!*

Проклятье гниения. С ужасом маг попытался нащупать трясущимися пальцами собственную палочку, но ему это не удалось, а с каждой секундой рука слушалась всё хуже и хуже.

— Прости, отец. — наклоненное в сторону лицо Гортензии пересекла извиняющаяся улыбка, — Я вовсе не хотела убивать тебя столь ужасно. Просто, знаешь, мне не даётся Авада Кедавра. Для этого нужно желать человеку смерти, а я вовсе не хочу, чтобы кто-либо умирал. Человек — это словно неведомая, далёкая звезда. Тайна, которую безумно хочется, но нельзя разгадать. Каждый мужчина и каждая женщина — это загадка*. Так

же, как не дано сорвать с неба звёзды, не дано узнать, что твориться у другого человека в душе. — в один момент улыбка превратилась в широкий оскал — Но к счастью, можно узнать хоть что-то, если слегка подсмотреть в ответ. Разве это не прекрасно?

Умирающий маг, лежал на полу. Его мышцы уже по большей части сгнили, так что он больше не дёргался от невыносимой боли и не мог даже отвести затуманенный взгляд от радостной улыбки своего разглагольствующего убийцы. «Это *существо* не может быть моей дочерью» — последняя мысль посетила угасающее сознание графа.

Девочка присела на корточки перед трупом и протянула руку, шаря ею прямо в наполовину разложившихся останках.

— Надо же, всё почти в точности, как и у остальных. Скука.

14 июля 1939 года

— Итак, мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать последнюю волю Эдварда Селвина. К сожалению, достопочтимый глава рода пропал при невыясненных обстоятельствах. Однако, согласно записи, появившейся в книге рода — он мёртв. Поэтому мы, совет младших членов рода Селвин, уполномочены действовать, исходя из факта его гибели, и признать его наследницу — новой главой рода Селвин. — Начал речь виконт Золт, приятный пухловатый старичок с вьющимися седыми волосами и столь же седой короткой бородкой.

— Или не делать этого. — грубо продолжил за него виконт Друдд, коренастый мужчина неопределённого возраста, обладающий столь обширными телесами, что резко выделялся на фоне всех присутствующих. Род Друдд был прирождёнными воинами, и виконт унаследовал от своих предков все их боевые черты.

— Все мы знаем об отношении Эдварда к своей дочери и его желание передать ей титул главы рода. — добродушно возразил Лорд Золт.

— И теперь он мёртв. Кто знает, каким образом он сгинул? Не сама ли Магия решила, что делать девчонку Леди великого рода Селвин — преступление против традиций?

— Брось, Стивен. В роду уже были великие Леди. И Эдвард привёл перед смертью достаточно доказательств того, что его дочь достойна. Кто бы не был ответственен за смерть Лорда Селвин, нам предстоит это выяснить после решения более насущного вопроса. Что скажете, барон Люсье?

Однако Лорд Люсье не спешил присоединиться к разговору. Вместо этого вмешался четвёртый член собрания, которому, вообще-то, полагалось молчать:

— А с чего вы, собственно, взяли, что я с вашим решением соглашусь? — Гортензия Селвин спокойным голосом прервала спор виконтов.

Стивен Друдд, возмущённый таким поведением девчонки, с ожесточением дёрнулся, скорее всего — попытался схватить палочку. Однако ему это не удалось. Неизвестная магия надёжно удерживала Лордов, не позволяя им двигать чем-то, за исключением головы и кистей рук. Магическая ловушка!

Артур Люсье продолжал молчать, никак не отреагировав на внезапное нападение.

Вильгельм Золт проследил за неподвижным взглядом барона и понял, что тот с ужасом уставился на лицо предполагаемой наследницы. Виконту тоже отчего-то стало не по себе, но он затруднялся понять — что же именно показалось ему угрожающим. Ну не считать же за угрозу, в конце концов, тот факт, что они прикованы к креслам. Молодёжь любит покуражиться и показать своё величие — Вильгельм за свою долгую жизнь давно

к этому привык. Тем более, что такая демонстрация быстро осадит пыл этого идиота — Стивена. Ну, а что девочка невероятно юна для такой демонстрации — так тем лучше для семьи.

— Думаешь, можешь заставить нас силой изменить традициям рода! — немедленно выкрикнул явную глупость виконт Друдд.

— Род — это рудимент феодального общества, которому идиоты вроде вас приписали мистический смысл, таким образом сформировав, со временем, при помощи ритуалов и пожертвований некоего магического монстра, возвращающего десятую часть того, что в него вложили, в обмен на ещё большие жертвы и самоограничения. — разрушила надежды Лорда Золт на мирные переговоры со Стивеном наследница.

— Он бы вырвал тебе язык за эти слова! Твой отец! Он... — и разумеется, ярость потомка воинов не заставила себя ждать.

— Решил, что благополучие «рода» важнее, чем моё. За это я его и убила.

— И зачем же ты говоришь это нам? — Вильгельм постарался говорить как можно более добродушно, как-никак, для него личное благополучие и благополучие семьи — куда важнее абстрактного служения роду. Да и проклятое ощущение чего-то совершенно неправильного лишь усиливалось.

— О! Я всего лишь хотела с кем-нибудь поделиться. Так скучно держать всё это в себе. Вы знаете — я убила собственного отца. Просто для того, чтобы получить его деньги и власть. Я задумывала это давным-давно, хотя — не реши он лишит меня наследства, прожил бы немного дольше. — девочка рассмеялась. — Ну, а после вашей смерти, вашим отпрыскам ничего не останется, кроме как подчиниться новой Леди Селвин. Кажется, у вас есть дочь, Лорд Друдд? Будет интересно с ней поразвлечься.

— Выродок! Есть для тебя хоть что-то святое? — маг бессильно дёрнулся в кресле.

— Святое? В мире полно святых вещей. Я терпеть их не могу. Если ты свят — то значит, слишком труслив, чтобы запачкаться. Люди боятся кучи вещей. Смерти, забвения, посмертной кары, даже сиюминутного возмездия или банальной тюрьмы. Верят, что их убогая праведность, продиктованная лишь только собственным страхом, дарует им шанс спастись от всего этого. Между тем, с лёгкостью отказались бы от неё, будь это не так. Их любовь к богам, предкам, верность традициям, идеалам, законам — жалкое лицемерие. Они живут, чтя какие-то бредни, уповая, что таким образом избегнут наказания. Надеюсь, их всех ожидает Ад.

— А ты думаешь, что тебя расплата не коснётся? Магия тебя покарает, а если не она — так другие маги рано или поздно узнают про всё. И посмотрим тогда, что после смерти ждёт тебя. В этом мире есть справедливость! — прорычал виконт Друдд.

— Мир несправедлив. С моей точки зрения. После смерти — все должны попадать в Ад. Сильные смогут от неё спастись, а значит им нечего бояться. По крайней мере — до тех пор, пока продолжают бежать. Слабые же недостойны милосердия. То, чего они заслуживают — **ПЫЛАТЬ**.

Столько чудовищной, нечеловеческой злобы и ненависти было вложено в одно только последнее слово, что участвующие в переругивании маги в одночасье почувствовали, как их одежда увлажняется из-за выступившего по всему телу ледяного пота.

— Что... — прошептал, разом обессилев, Стивен — Что ты вообще такое?!

— Я — часть той силы, что постоянно творит зло. **

На этих словах Вильгельм наконец понял, что же не давало ему покоя всё это время. Колдуна охватил доселе никогда не испытываемый им суеверный ужас. В зрачках *твари* отражалась вся комната, где они расположились. Но людей на отражении не было. Не в силах закричать из-за сухого кома, сковавшего горло, маг захрипел и забился в кресле.

Несколькими неделями позже

— Пожалуйста, госпожа! — домовый эльф заплакала. — Вы истребили всех домовиков! Я не справлюсь одна.

— Они были мужского пола, а мне не нравится быть окружённой слугами — мужчинами. Это мерзко.

— Но госпожа, всё здесь просто пропитано магией! Новые домовики непременно должны появиться, и раз уж я девочка... — стук головы об пол — Вы знаете, у домовиков не так, как у людей...

— О! Не беспокойся об этом. Мы решим эту проблему. — усмехнулась молодая ведьма, взмахом показав следовать за собой — Идём.

Донки последовала за Леди. Не подчиниться она не могла.

Вместе они спустились в подвал. Эльфа не знала, что там — сразу после смерти старого хозяина, Леди Гортензия запретила всем домовым эльфам появляться там.

— Да, кстати. — девочка открыла дверь и обернулась к домовушке, склонив голову на бок, — Пытаться сбежать тебе запрещено.

Она отошла от двери, проходя внутрь помещения, а Донки увидев, что её там ожидает, заскулила от страха.

В каменной комнате расположилось маленькое, словно детское, металлическое кресло, с приделанными к нему кожаными ремнями. Рядом стояла жаровня, в которой нагревались несколько металлических прутиков и железяк, и тут же — столик с несколькими ножами, крючьями и мотком суровых ниток.

Примечание к части

* — Искажённая отсылка к Liber AL vel Legis (Книга Закона). Оригинал: Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда.

** — Искажённая отсылка к трагедии «Фауст» Иоганна Вольфганга фон Гёте. Фауст спрашивает у Мефистофеля — «Ну, кто ты?», и тот отвечает — «Я — часть той силы, что постоянно хочет зла, и постоянно творит благо».

P.S. Да, отсылки в художественном тексте это не очень красиво по отношению к читателю, и мне стоило бы извиниться за подобное, но не буду. Ведь дальше сносок будет только больше — главная героиня обожает разглагольствовать и цитировать (а также перевирать) религиозные, исторические и литературные источники. Так что если вы ещё сохраняете желание читать дальше — то готовьтесь к этому.

Подготовка к школе

29 августа 1939 года. Утро

Впервые за свою жизнь Эвелина Друдд показалась в Косом Переулке, облачённая скромную, полностью чёрную мантию. В другое время — на её плечах была бы роскошная, обшитая зелёным бархатом и серебряными лентами — в соответствии с цветами славного факультета Слизерин — одежда, полностью соответствующая гордому статусу наследницы младшей семьи великого благородного рода. Но сейчас в душе Эвелины была лишь горечь и пустота — и она была даже рада тем правилам, что предписывали ей аскетичное одеяние. Ну, или точнее — она полностью разделяла мнение того, кто их установил. О радости можно было бы говорить, если бы не смерть отца Эвелины при невыясненных обстоятельствах.

Ведьма бросила ненавистный взгляд на ребёнка, которого привела с собой в главный центр торговли Магической Британии. Гортензия Селвин — единственная, кто получил по-настоящему огромную выгоду от пропажи главы рода и убийства членов совета малых семей. Иными словами — от убийства Стивена Друдда, в результате которого Эвелина потеряла практически всё. Начиная от статуса наследницы, и заканчивая правом носить пышные наряды — последнее правда лишь до истечения траура. А также единственного человека, который был девушке когда бы то ни было дорог.

Неважно, знала ли сама Гортензия или нет о готовящихся покушениях. Один тот факт, что совет был убит буквально сразу же после того, как единогласно признал девочку новым главой — однозначно указывает на её выгоду, а значит — и на её вину.

Если бы её не существовало...

— Куда нам стоит пойти сначала — за палочкой, или в книжный магазин? — в этот момент Гортензия обернулась, и с совершенно детским, искренним выражением лица, глядя Эвелине прямо в глаза, обратилась робким голосом к девушке за советом.

— В книжный. Палочку мы успеем купить. Там почти никогда не бывает посетителей.

— сплунув про себя, и пытаясь изо всех сил, не особо успешно, скрыть злость, ответила ведьма.

Потом, вспомнив, что девочка здесь впервые, спохватилась и потащила её за руку к нужному месту.

Двадцатью пятью минутами позже

— Ты злишься. — негромкий, печальный, детский голосок Гортензии разбил тишину, царящую в книжной лавке по случаю раннего утра. — Я заметила по твоему взгляду — ты ненавидишь меня.

— Что Вы, Леди Селвин. Я вовсе не ненавижу Вас. — Эвелина понимала, что её отношение явно выделяется и совершенно неприемлемо, относительно их текущего с главой рода положения, но ничего с собой поделаться не могла — её никогда не учили пресмыкаться и скрывать эмоции. — Уверяю, я искренне желаю служить главе великого рода.

— Ты думаешь, что я виновата в их смерти. Прости. — девочка продолжила, не обращая

внимание на очевидную ложь Эвелины, — Я догадывалась, что так будет, но мне просто некого больше было позвать. В роду Сельвин — ты единственный оставшийся совершеннолетний маг.

— Для меня честь сопровождать Вас, и я прошу прощения, если показалась вам грубой. Если сочтёте нужным — можете наказать меня. — один Мерлин знает, как тяжело дались ведьме эти слова.

— Это не обвинение. Ты только что потеряла отца и вынуждена сопровождать ту, кого в этом винишь. Я прошу прощения. — её голос был всё таким же тихим и виноватым, но это сделало всё только ещё хуже, окончательно переломив грань терпения сопровождающей.

— Заткнись! Просто заткнись наконец, ты... — не выдержав, Эвелина злобно зашипела. И тут же внутренне сжалась, осознавая, что натворила. Но Гортензия, проигнорировав оскорбление, направилась вдоль полок с книгами, не глядя на Эвелину, лишь тихо бросив:

— Я понимаю.

29 августа 1939 года. Обед

— 14 сантиметров, бук и волос единорога. Очень гибкая. Что ты думаешь об этом? Они только что посетили последний магазин, закончив, таким образом, со списком покупок к школе.

— Отличная палочка, достойная великого мага. Очень подходит Вам, госпожа Селвин.

— Понятно. Зайдём в магазин мороженого. Пожалуйста? — попросила девочка.

Эвелина не желала ничего, кроме как убраться отсюда, но отказать, естественно, не могла.

Они расположились за дальним столиком и заказали себе по одной порции фирменного мороженого Фортескью. Несколько минут прошли в тишине.

— Я не знаю, почему их убили. Возможно, тот кто это сделал на самом деле хотел уничтожить весь наш род. — заговорила девочка, — А добраться до меня не смог. Или не захотел, посчитав что неопытная девчонка так или иначе приведёт род к падению.

— ... — Эвелина не ответила.

— Может быть — это человек действовал в моих интересах. Потому, что надеялся в будущем влиять на меня, или по какой-либо ещё причине.

— ...

— Я не знаю, была ли я выбрана советом честно, или же имел место магический трюк, либо принуждение.

Ведьма, выслушивающая это, начинала злиться. «Неужели девчонка и правда считает, что я поверю в её искренность?» — крутились у неё в голове полные негодования мысли. Хотя, семя сомнения всё же начало проклёвываться, сколько бы Эвелина не пыталась его задушить.

— Но этот человек ошибся. Ошибся, если решил, что я приведу род к краху. Если решил, что сумеет сделать из меня марионетку. Если посчитал, что я прошу его, будучи благодарна за те блага, что получила. — Гортензия на секунду замолчала, и продолжила более твёрдо, — Была ли я избрана честно, или же нет — я стану той главой рода, за выбор которой они не стали бы стыдиться. И я буду той, кто за них отомстит. Кто бы не бросил вызов роду Селвин — он пожалеет. Я найду и уничтожу его, как бы он не

скрывался, и кем бы он не был.

— Ты считаешь, я поверю? Ты — девчонка. Да на что ты вообще способна? — Наконец, Эвелина Друдд вскричала в гневе. Она больше не боялась. В конце концов, «Леди Селвин» сама дала понять, что стерпит такое отношение.

Гортензия подняла лицо и взглянула ей в глаза. И ведьма увидела то выражение, которое мгновенно заставило её забыть злобу и всколыхнуло прорастающий росток уважения и доверия к девочке — чистая, незамутнённая решимость, перерастающая в ледяную ярость и силу.

— Клянусь — честью Эдварда Селвина, и прожитой им жизнью, и жизнями Вильгельма Золта, Стивена Друдда, Артура Люсье, а также доверенным мне ими наследием — я найду их убийцу и покараю его, чего бы мне это не стоило. И до самого конца я буду соблюдать традиции рода и делать всё, что возвысит род Селвин ещё сильнее.

На последних словах девочка обхватила горячими ладонями сложенные в замок руки Эвелины и крепко сжала их.

От неожиданности, ведьма отшатнулась и судорожно втянула носом воздух, которого, казалось, стало слишком мало в её груди.

29 августа 1939 года. Завершение дня

Эта девочка. Она серьёзно?

Она не такая, какой вообразила её себе Эвелина. Не надменная, не кичится своим положением и не пользуется властью над утратившей всякие права Эвелиной. Не холоднокровная убийца.

Волшебница одёрнула себя на последней мысли. Она поверила? Действительно — поверила словам Леди Селвин?

И была вынуждена признать, что — да, искренность девочки, её пылкая клятва — зацепились за что-то в сердце Эвелины и накрепко застряли в нём.

Отмщение убийцам — то, чего она больше всего жаждет. И величие семьи — то, чему всегда учил её отец, что ставил превыше всего.

Она поверила. И стена обвинений и злобы рухнула перед образом маленькой девчонки с горящими глазами.

29 августа 1939 года. Вечер

Последний.

Последний из старшей семьи Селвин — пал.

Остались лишь те, кто не способен продолжить линию наследия великого рода.

Величественное и древнее дерево погибает. Магия покидает его, по капле вытекая из засыхающих корней.

Она чувствует это, как и то, что с каждой каплей подходит к концу её

полуторатысячелетняя жизнь.

Она не справилась. Не сохранила. Не уберегла.

И теперь — осталась лишь одна — последняя цель.

Мечь.

Необъяснимая аура злобы наполняет древний особняк.

Девчонка с нахальным взглядом, только что вернувшаяся с прогулки по Косому Переулку, развалилась на кровати, рассыпав по подушкам копну каштановых волос.

Чужак. Вторженец. Убийца.

Рея — так её звали вот уже пятнадцать столетий — собрала все доступные хранителю силы.

Из-за завесы бытия, невидимая для обычных людей. Она — та, кого обычно называли «магией», когда она приводила, пользуясь скопленными силами, в исполнение древние заповеди рода.

Она — «первая из рода», хранительница, застывшая во времени на многие столетия, тогда, когда её кровь, принесённая в жертву братьями и отцом, стала подношением только что созданному камню рода.

И сейчас Рея призвала мощь, многократно превосходящую всё, чем когда-либо владел любой из потомков Селвин, готовясь обрушить на единственного врага чудовищный магический шторм.

Астральное отражение комнаты исказилось, не в силах сопротивляться собранной силе. Предметы в нём начали ломаться и превращаться в жуткую, хаотичную пародию на самих себя, отзываясь на гнев и желание разрушения. Хотя реальность эти изменения покуда не затронули, выражаясь лишь в необъяснимой жути, которую начало источать всё вокруг. Именно то, что и должна почувствовать жертва мстительного духа в последнее мгновение — ужас и неотвратимость кары.

Но в этот миг карие глаза той, что выдавала себя за новую Леди Селвин, лениво, совершенно не выказывая страха, пробежались по окружению и остановили свой ледяной взор прямо на Рее, как будто девочка могла видеть существо, незримо находившееся в комнате.

А в следующую секунду, в детской ручке, возникла полупрозрачная цепочка, скользнувшая, следуя быстрому взмаху кисти, в воздухе и обхватившая шею Реи.

Хранительница рода рухнула на колени, оказавшись вдруг не в привычном для духа, а во вполне физическом мире.

Вся её сила, оставшись без контроля в другом пласте реальности, мгновенно рассеялась. — Как не вежливо зайти в комнату к главе рода, и даже не поздороваться.

— Ты не глава. — возразила Рея, пытаясь понять, что с ней произошло.

— Почему же я не могу ею быть? Хочешь сказать, ваш род сохранял свою безупречную чистоту всё это время? Такое даже безумным идиотам, наплевавшим на все законы биологии, бы не удалось.

— Многих вводили в род. — неизвестно зачем поддержала Рея безумный разговор, которого не должно было состояться — Но ты не такая. Ты не чтить традиции. Ты убийца. Род не примет тебя. И ты убила всех, кто мог оставить наследников. Ты уничтожила семью Селвин.

— Это не так. Разве я была сделала что-то экстраординарное? Всего-то убила пару человек. По-моему, очевидно, что жизнь так называемого рода и без того подходила к концу. Я лишь приблизила это событие. На полвека — век максимум.

— Ты убила настоящую наследницу, её отца и совет младших семей! Тварь!
— прокричала хранительница.

— Разве это не значит, что я сильнее их? Подумай, ведь если я буду скрываться под именем «Селвин», то разве не прослаблю его? — колдунья возразила совершенно спокойно, вкрадчивым голосом.

— Какая разница! Настоящая семья, настоящий род Селвин — умрёт. — с ненавистью и частично — отчаянием, понимая, что каким-то безумным образом она умудрилась окончательно проиграть, выплюнула Рея.

— И что с того? — девочка слегка подалась вперёд, присаживаясь на кровати, — Даже если всё, как ты говоришь, какова ценность этой самой семьи? Этого рода? Нет никаких причин ему существовать. Хотя для тебя... я могу понять.

— ... — Что? Дух не смогла понять той интонации, которой убийца сопровождала эти слова.

— Твоя бессмертная жизнь была обеспечена существованием потомков этого рода. Так что причины твоей злобы вполне ясны. Но знаешь... — та склонилась ещё ближе, заглядывая прямо в глаза духу, — Я могу дать тебе другую жизнь. Не связанную с такой бесполезной штукой, как род. Ты будешь свободна от обетов. Сможешь сама перемещаться в любые места и делать, что пожелаешь.

— Я не предаю то, что защищала на протяжении пятнадцати веков! — немедленно встрепенулась Рея.

— Вот как?.. жаль. — девочка невинно улыбнулась; с её языка слетело сочетание звуков, совершенно противоестественных и невыразимых — *& amp; ^ \$ * ^ % \$ # @ !*
Неожиданно, Рею охватила чудовищная боль.

Чувство, которое дух не мог ощущать ни каким возможным образом.

— Интересный эффект. Не думаешь?

Безумная агония захватила сознание хранительницы. Пылал болью не только её разум. Само призрачное тело, сама душа, сохранённая в неизменном виде древним ритуалом родичей, распадалась на куски.

С непониманием Рея уставилась на свои, выглядящие полностью материальными, руки, которые постепенно теряли кусочки, тут же становящейся призрачной и растворяющейся в воздухе субстанцией.

С трудом прорываясь сквозь боль, схватившись за странную цепочку, как за единственный возможный источник её кошмарного состояния, хранительница попыталась сорвать её с себя. Однако никакого результата эта попытка не дала. Непонятный полупрозрачный ошейник и не думал поддаваться.

— Заметила наконец? — создание на кровати рассмеялось издевательским, как можно было догадаться, но в то же время кристально чистым и радостным смехом, — Это одно из достижений моего многолетнего изучения некромантии. Заклятье, что низвергает душу до тварного мира, наделяя духа подобием тех качеств, что есть у плоти. Включая гибель. Неожиданно для тех, кто пытается столь бездарно сбежать от смерти.

Гибель души. Сквозь всё нарастающую боль, заставляющую её в судорогах выгибаться по полу, Рея впервые почувствовала страх. Нет, даже не страх — ужас. По ногам древнего духа пробежала струйка, окончательно убеждая её, что никакого трюка тут нет, и что тварь, мучающая её, говорила правду.

С пониманием этого, страх окончательно затопил разум духа.

Даже в случае прерывания рода, хранительница знала, что это ещё не конец. Что даже лишившись корней на земле, она отправится куда-то дальше, пусть и не стремилась туда.

Но теперь...

Несмотря ни на что, единственное, чего она желала — спастись от надвигающегося ужаса.

— По... щади... — сквозь чудовищную боль, слёзы и сковывающий горло ужас, Рея смогла из последних сил прохрипеть, — Прошу...

Тотчас, действие проклятья прекратилось.

— Пощада? Прости, я не понимаю, что означает это слово. Но... — «Гортензия» замолчала на секунду, видимо наслаждаясь моментом, — моё предложение ещё в силе. Рея не раздумывала и секунды. С трудом встав на колени, она склонилась к ногам монстра.

— Я... простите меня... Госпожа... Я клянусь... Я никогда не выступлю против вас... Я буду верна... Я... — она не знала, что ещё говорить.

— Забудешь про эту абсурдную и глупую идею рода.

— Я... я отрекусь... от рода Сельвин. — слёзы во всю бежали по щекам хранительницы, но чудовищу в облике девочки было на это плевать.

— Прекрасно. А теперь, чтобы подтвердить свою полезность... — она небрежно распахнула мантию, и медленно, плавным движением, расставила ножки.

— Что? — поверженная хранительница великого рода не сразу осознала, что от неё требуют.

— Ты не знаешь? Я хочу, чтобы доставила мне удовольствие. Как женщина.

Рея беспомощно подняла глаза. Доставить удовольствие? Она поняла, о чём речь, но даже не могла представить, что нужно делать. Она видела, чем занимаются потомки рода, но сама, ставшая хранительницей рода Реей, умерла, будучи непорочной.

Тем более сейчас — перед ней не юноша, а девушка.

Её мучительница заметила эту беспомощность, но о снисхождении даже и не думала:

— И кстати, это твои проблемы, если ты не справишься. В конце концов, если останусь не удовлетворена — то просто закончу то, что начала. — с ухмылкой заявила девочка.

Примерно полутора часами позже

— Моя госпожа, вы удовлетворены? — униженно прохрипела Рея, когда наконец исчерпала все подходящие случаю познания, что видела в стенах особняка. Она чувствовала себя как никогда грязной и раздавленной, но ради сохранения пусть даже и подобия жизни — готова была терпеть, или даже продолжить унижения по новой.

— Да, более чем. Неужели у тебя есть опыт? Или это века подглядывания пошли на пользу? — довольно потянувшись, ответила тварь и продолжила с улыбкой, —

←^\$^%\$#@!*

Комната наполнилась жутким воплем бывшей хранительницы. В этот раз её боль, похоже, была даже кошмарнее.

— И да, прости. Ты справилась просто отлично, но мне понравилось, как ты корчишься.

— колдунья просунула руку себе между ног, и запрокинув голову, откинулась на подушки.

К сожалению, вмешаться было некому — крики смертельной агонии Реи, чья душа медленно разлагалась, разрываемая проклятьем на мелкие кусочки, разносившиеся по старому дому, и не думали смолкать, но слышали их только не имеющее сострадания чудовище, да беспомощная изувеченная домовушка, что испуганно забилась в самый дальний угол кухни и тряслась, зажав длинные уши ладонями.

Встреча

1 сентября 1939 года. 8 часов 11 минут

— Эх. Мне стоило подумать о том, что придётся вставать с утра, когда я решила развлекаться почти всю ночь. — девочка небрежным движением заправила упавшую на лицо каштановую прядь за ухо. — Донки, к отъезду всё готово?

— Конечно, госпожа. — испуганно пропищала домовая эльф, появляясь за спиной хозяйки дома.

— Отлично. И подай ещё кленового сиропа, будь так добра.

Эльфийка поспешно кивнула, и достав, как будто прямо из воздуха, запрошенное, поставила небольшую чашечку на стол рядом с девочкой взамен опустевшей.

— Итак, особняк я оставляю на вас. — Гортензия подлила себе на тарелочку ещё сладкой жидкости. — А ты чего не ешь? Попробуй пудинг. Он просто превосходен, особенно с сиропом.

Ведьма рассмеялась, глядя на то, что девушка напротив неё так и не решилась притронуться к пище.

— Не переживай. Я уезжаю почти на год. И даже если бы я и хотела устроить что-то на прощание — у меня не так много времени.

Последний кусок пудинга отправился в рот, и девочка неспешно поднялась из-за стола, по очереди облизывая пальцы, испачканные в кленовом сиропе. Но на последнем остановилась, будто задумавшись о чём-то и подошла к своей собеседнице, протянув грязный палец к её лицу. Та покорно слизала сироп, сразу же поняв, чего от неё хотят.

— Видишь? Вкусно, не правда ли? — извращённая ухмылка пробежала по лицу ведьмы.

— Пойдём, поможешь мне одеться. — продолжила она уже совершенно ровным голосом, отворачиваясь от стола.

Спустя час, одетая в роскошную мантию с серебристо-зелёными узорами, Гортензия Селвин спустилась в большой гостиный зал, к камину, слегка постукивая по старому полу металлическими набойками на туфельках. Рядом с ней домовая эльфа поставила идеально подобранный под цвет мантии, украшенный серебром и зелёным бархатом, чемодан, больший по размеру, чем сама эльфийка.

— Если что-то потребуется, я вам напишу. Донки, не забывай проверять совятню.

— девочка выглядела по настоящему счастливой, как любой одиннадцатилетний ребёнок, отправляющийся в своё первое настоящее приключение. — Цибела*, ты вольна делать, что пожелаешь, но не вздумай сбежать от меня. У нас ещё много планов на будущую весну. — в её голосе совсем не было угрозы, тем не менее, девушка с украшением в виде золотистой цепочки на шее поморщилась и испуганно сжалась в ответ на эти слова.

Будущая ученица Школы Чародейства и Волшебства не обратила на подобную реакцию внимания.

— На зимние каникулы возвращаться не буду. Скорее всего. Но надеюсь, вы не успеете особо заскучать. — с этими словами, подхватив чемодан, Гортензия шагнула в пламя камина. — Вокзал Кинг-Кросс!

Юная Джессика совсем растерялась. Её только что обругал какой-то мальчик, как будто она успела сотворить что-то плохое, а она только что зашла на поезд.

Вообще, Джессика не знала куда податься. Она плохо умела заводить новые знакомства и заговаривать с людьми, а сейчас и вовсе все вокруг казались совершенно чужими — а поскольку родители вынуждены были остаться у входа на станцию, некому было посоветовать ей, что же делать.

Она переминалась с ноги на ногу, не решаясь зайти ни в одно купе. Конечно, наверняка это нужно сделать — но вдруг тут есть какой-то порядок, который она нарушит, если не спросит. А если спросит, а никакого порядка нет — она будет казаться идиоткой.

Все эти мысли роились в голове Джессики, заставляя её мешкаться и неловко перетаптываться в проходе, не слишком успешно делая вид, будто она кого-то или что-то ждёт.

— Привет. — вдруг чья-то рука легла на плечо девочке, заставив её от неожиданности резко обернуться, в результате её глаза оказались прямо напротив, ясных, карих глаз, как будто притягивающих к себе взгляд.

— П...т... п... — ... хотела выдать из себя ответное приветствие, но членораздельных звуков у неё добиться не получилось.

— Идём, я думаю, дальше мы сможем найти ещё не занятое купе. — необычную девочку, к ней обратившуюся, впрочем, отсутствие ответа ни капли не смутило. Она схватила руку Джессики и решительно увлекла её за собой.

— Ну вот. Располагайся. Я сяду напротив.

В этот момент, почти следом за тем, как они вошли, дверь купе вновь открылась, пропуская компанию из троих ребят постарше. Их мантии были украшены в жёлтый и синий цвета.

— Вы не против, если мы тоже расположимся тут? Поезд постепенно заполняется. — С этими словами парень, открывший дверь, первым шагнул в купе к девочкам.

— Против. — новая знакомая Джессики взмахнула рукой, будто отгоняя мух, даже не глядя на говорившего. — У леди могут быть вещи, которые бы они хотели обсуждать наедине. Вы будете нам мешать. Хотя сами об этом вы подумать конечно же не могли, беспардонные барсуки?

Мальчик застыл как вкопанный. В следующую секунду он и его друзья поспешили оставить девочек.

— Змея. — донеслось из-за закрывающейся двери.

— Почему ты?..

— Разве ты не начала бы ещё сильнее смущаться в таком случае? А я хочу с тобой поговорить. — девочка с улыбкой заглянула в глаза Джессике, в её собственном взгляде плясали озорные искорки — Кстати, как тебя зовут?

— Меня... Джессика Уэйн.

— А меня — Гортензия Селвин. Рада познакомиться!

— Гортензия... Какое странное имя... — Джессика сильно удивилась. Ей и до этого не давали покоя имена в книгах, которые купили к школе, но тогда она списала это на старину. Теперь же перед ней сидела девочка с таким же странным именем. Впрочем, удивление сменилось испугом, когда она поняла, что могла нечаянно обидеть свою

новую дружелюбную знакомую.

— Что поделать. Я родилась на три века позже. И полтора миллиона ярдов дальше, чем было уготовано судьбой**. — Гортензия усмехнулась шутке, которую её собеседница совершенно не поняла — *Les bêtises****. Твои родители — не маги, я правильно поняла? — Да, мои отец и мать — магглы. Если честно, я боюсь, что сделаю что-то не так, потому что ничего толком не знаю. Я даже не знала, как распределяются места в поезде. — Никак. Просто большинство здесь уже знакомы — либо учатся не первый год, либо познакомились ещё до школы, поэтому и стараются устроиться рядом. Не переживай, никто не станет обижаться на тебя, если ты просто будешь вести себя как обычно. — Честно говоря... — Джессика хотела сказать, что и в мире магглов она всегда выделялась, будучи по сути одиночкой, с которой никто не хотел общаться, но не могла подобрать слов, чтобы это прозвучало не слишком жалко. — Если хочешь — я буду рассказывать о нашем мире, чтобы тебе было проще. Но тогда тебе придётся поступить на Слизерин. У учеников с разных факультетов мало возможностей общаться между собой. — На Слизерин? Но я думала, ученики не знают, на какой факультет они будут зачислены. — Это ведь зависит от характера. — Гортензия беззаботно улыбнулась Джессике — Свой я знаю точно.

Тут в дверь купе постучали и почти сразу же она распахнулась, пропуская внутрь компанию из трёх мальчиков.

— Здесь есть свободные места? Оставшиеся купе заняты. Мы слишком припозднились — отец выбирал для меня лучшую сову из нашей совятни. — один из зашедших детей внимательно осмотрел девочек, остановив взгляд на руке Гортензии и слегка поклонился ей. — Моё почтение наследнице Рода Селвин. Я Абракас Малфой, мои спутники — Ричард Гойл и Уильям Крэбб.

— Гортензия Селвин. Глава рода Селвин, к вашим услугам. — девочка подчеркнула голосом слово «глава» — И моя подруга — Джессика Уэйн.

— Грязнокровка. — Абракас скривился, к счастью, Джессика не обратила на это особого внимания — будучи всецело поглощена сладкой истомой, что разлилась в её груди, после того, как Гортензия назвала девочку своей подругой.

— Будущая ученица нашего факультета, так что прошу достопочтенных проявить соответствующую учтивость.

1 сентября 1939 года. 12 часов 15 минут

Абракас Малфой со злостью посмотрел на предательницу, оказавшуюся с ним и парой других достойных наследников своих Родов в одной лодке, когда, подчиняясь незаметному жесту, Крэбб с Гойлом оттеснили грязнокровку в соседнюю.

— Не потрудиться ли глава уважаемого Рода Сельвин объяснить, почему она считает допустимым позорить своё имя, якшаяся с падалью? — выплюнул он вопрос, наконец посчитав, что они оказались довольно далеко от берега, так чтобы никто не мог подслушать и узнать о противоречиях в рядах будущих слизеринцев.

— Якшаюсь? О чём это ты? — карие глаза Леди Селвин блеснули ледяным сиянием, как будто не имеющим ничего общего с неровным светом установленных на лодках

факелов — Или ты правда думаешь, что я была честна с ней?

— Тогда объяснись — для чего тебе этот цирк?

— Есть причина. Но тебя мои дела касаться не должны. — девочка не выказала и капли раскаяния, беззаботно крутя в руках магическую палочку.

— Это не только твои дела, если они касаются отношения к грязнокровкам и всего наше факультета.

— Тогда пусть факультет знает. — Гортензия обвела глазами троих мальчиков, убеждаясь, что и Малфой, и двое невольных свидетелей прекрасно слышат её, и продолжила, склонившись вперёд и отчётливо проговаривая каждое слово зловещим шёпотом. — Мои дела не имеют отношения ни к благополучию грязнокровок вообще, ни к благополучию этой девчонки, Джессики — в частности. Ей уготована весьма незавидная роль в мох планах. Клянусь честью Рода Селвин!

— Хорошо. — Малфой склонил голову, показывая извинение за свою неправоту, удовлетворённый более чем суровой клятвой Леди Селвин.

— По плодам их узнаете их****. Так что, Абраксас Малфой, следи, и поступай по делам моим, а не по словам*****. — Гортензия рассмеялась чистым, кристально звонким смехом.

Примечание к части

* — Цибела — фригийская богиня, отождествлявшаяся с греческой титанидой Реей.

** — Отсылка к Гортензии Манчини, племяннице знаменитого кардинала Мазарини.

*** — Нелепость (французский) — продолжение отсылки к французской аристократке.

**** — Мф. 7:16.

***** — Мф. 23:3, смысл искажён в обратную сторону: «Итак всё, что они велют вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают». Таким образом, Гортензия ассоциирует себя с книжниками и фарисеями. Чистокровные маги не знакомы со Святым Писанием, а потому не поняли явного намёка на то, чего же в таком случае стоят клятвы самой Гортензии (см. Мф. 23).

Краткая справка о персонажах

Мария Селвин
Маг, чистокровная.
Супруга бывшего главы рода Селвин.
Возраст: 27 лет (на момент смерти).
Статус: мертва

Эдвард Селвин
Маг, чистокровный.
Бывший глава рода Селвин.
Возраст: 47 лет (на момент смерти).
Статус: мёртв

Вильгельм Золт
Маг, чистокровный.
Бывший глава рода Золт.
Возраст: 67 лет (на момент смерти).
Статус: мёртв

Стивен Друдд
Маг, чистокровный.
Бывший глава рода Друдд.
Возраст: 42 года (на момент смерти).
Статус: мёртв

Артур Люсье
Маг, чистокровный.
Бывший глава рода Люсье.
Возраст: 51 год (на момент смерти).
Статус: мёртв

Рея. Настоящее имя: Луцина Селвин
Дух.
Бывшая хранительница рода Селвин.
Возраст: 1576 лет.
Статус: жива

Эвелина Друдд
Маг, чистокровная.
Бывшая наследница рода Друдд. Член побочной ветви рода Селвин.
Возраст: 17 лет.
Группа крови: I.
Статус: жива

Джессика Дэйзи Уэйн
Маг, маггложденная.
Любимые блюда: ростбиф и жареный картофель.

Любимые напитки: чёрный чай с молоком.

Возраст: 11 лет.

Группа крови: IV.

Статус: жива

Гортензия Селвин. <Настоящее имя неизвестно>

Маг.

Глава рода Селвин (формально). <??>. <??>.

Известные титулы и прозвища: Чёрная смерть. <??>. <??>. <??>.

Любимые блюда: разнообразные сладости.

Любимые напитки: абсент.

Любимая музыка: Гражданская оборона, Аквариум (любимая песня — Рок-н-Ролл мёртв).

Социально-политические взгляды: марксизм (искренне считает себя представителем класса-угнетателя).

Возраст: 11 лет (биологически). <Настоящий возраст неизвестен>.

Группа крови: <Неизвестно>.

Статус: жива

<??>

Ангел-хранитель.

Известные титулы и прозвища: <??>.

Любимые блюда: <Неизвестно>.

Любимые напитки: <Неизвестно>.

Любимая музыка: <Неизвестно>.

Социально-политические взгляды: теократия.

Возраст: <Не применимо>.

Группа крови: <Не применимо>.

Статус: <Не применимо>

Десять лет спустя

1 сентября 1939 года. Воспоминания Джессики Уэйн

Она вспоминала тот день, день, изменивший её жизнь.

— Слизерин? Ты уверена? Это плохой выбор для тебя. Я вижу в тебе подходящие качества, но однажды они погубят тебя, если дать им волю. Хаффлпафф — факультет, где тебя научат настоящей дружбе, ты будешь счастлива, если поступишь туда.

— Не хочу Хаффлпафф. — Джессика вспомнила парней, что встретились им в экспрессе и отношение к ним Гортензии.

— Вот видишь, разве даже сейчас ты думаешь не о товарище? Хаффлпафф — известен наиболее тесными связями и трудолюбием.

— Слизерин, Слизерин, Слизерин... — взмолилась про себя Джессика, — Пожалуйста, Слизерин!

— Ну хорошо, раз ты так считаешь, у меня нет права тебя переубедить... СЛИЗЕРИН! Шляпа прокричала на весь зал свой вердикт, а Джессика, запинаясь, и со слезами на глазах вскочила и неловко бросилась к столу факультета.

Слизеринцы восприняли её присоединение холодно, многие недовольно косились и перешёптывались между собой. Девочке тогда стало страшно, что же будет, если её новая подруга ошиблась и она останется с этими враждебными детьми совсем одна. Но к счастью, страхи не оправдались — шляпа распределила Гортензию на Слизерин, даже не успев коснуться головы юной ведьмы.

Стал ли тот выбор самой большой ошибкой в жизни одиннадцатилетней девочки?

Джессика не знала. Ей сложно было сказать, что было бы, не окажись она столь упряма (вот уж и правда, качество достойной хаффлпаффца), но сейчас от наивной и робкой девочки мало что осталось.

Джессика Уэйн стала хитрее, изворотливее, злее — очень скоро она перестала считать чем-то зазорным бравировать дружбой с одной из влиятельнейших учениц факультета. Не раз и не два она указывала Гортензии на тех, кто чем-то обидел девушку. Однажды одна из её жертв чуть не погибла — жестоко избитая более чем десятком слизеринцев по приказу Гортензии и брошенная на ночь в холодный класс в подzemелье, первокурсница-полукровка с их факультета, посмевавшая назвать учившуюся тогда на третьем курсе Джессику «грязнокровкой», провела в больничном крыле более трёх месяцев.

Обзаведясь такого рода клыками, она стала настоящей ядовитой гадюкой — как и почти все на их факультете. И только идея о превосходстве обошла её стороной, отчасти — из-за собственного низкого происхождения, отчасти — из-за взглядов Гортензии, которую девушка почти-что обожествляла. Кстати подруга, презиравшая всякие разговоры о чистоте крови, так и осталась с самого первого дня близка с Джессикой и даже необыкновенно нежна в отношении к ней. Место же той идеи заняли две другие, также

незримо носящейся в те дни по подземельям Слизерина — о неустанном увеличении собственной силы и о стремлении к бессмертию. Одобряемые и щедро подкармливаемые Гортензией, они со временем стали центральным стержнем личности повзрослевшей Джессики.

29 октября 1949 года. 4 часа 58 минут

И оглядываясь назад, Джессика понимала, что именно они привели её сюда. В душе ведьмы колыхнулись сомнения и страх, но слишком поздно было отступить. Под нежным взглядом склонившейся над ней подруги, расположившейся в изголовье и прижимавшей локти обнажённой девушки к ледяному каменному полу, она не могла повернуть назад. Только не вглядываясь в прекрасное лицо Гортензии, не постаревшее и на день с момента её восемнадцатилетия.

13 июня 1949 года. Вечер. Воспоминания Джессики Уэйн

— Природа мироздания субъективна. Вся магия — не более, чем часть нас. Наше знание, желание, отвага, сокровенность побуждения, и наконец — наша воля*. Если всего этого в достатке, ты изменишь реальность, иными словами — сотворишь магию.

— Но ведь магия отличается по силе действия и затраченным усилиям. Существует то, что может сделать маг, и то — чего не может.

— Разве? Неужели существует какая-то разница между тем, чтобы записать на бумаге одну строку, нежели другую? Зажечь свечу или спалить весь мир дотла — для магии безразлично.

— Тогда почему я могу первое, но не смогу второе?

— Ты невнимательно слушала? Тебе чего-то не хватает.

— Чего же именно, и где это взять?

— Чего именно — ты можешь понять лишь сама. А по поводу того, где взять — развивать со временем. — глаза Гортензии мерцнули нехорошим светом, — Но если времени нет, то можно и одолжить.

— Одолжить?.. — Джессика непонимающе уставилась на подругу.

— Как я и сказала, природа мироздания субъективна, и здесь тебе дадут лишь то, что ты сама готова принять. Значит, нужно обратиться к тому, что существует объективно — за пределами Вселенной.

29 октября 1949 года. 5 часов 11 минут

— Не вздумай сдвигать ноги или сопротивляться, иначе умрёшь. — шепнула Гортензия. Джессика с ужасом уставилась, приподняв голову над полом, на омерзительное существо, контуры которого всё отчётливее проявлялись в треугольнике, начерченном голубиной кровью прямо между широко разведённых ног колдуньи.

— Пожалуйста... — слеза стекла по щеке девушки, в которой непрошено проснулась та

испуганная, наивная девочка, что сделала когда-то первый шаг в волшебный мир. Существо в треугольнике было ростом с низенького человека, однако в то же время казалось очень коренастым. Все видимые кости напоминали человеческие, но выпирали куда сильнее, а сквозь грубую, как будто покрытую коростой кожу грязно-жёлтого оттенка выступали присутствующие на них огромные наросты и шипы. То там, то тут, росли сальные кучки волос, или скорее — звериной шерсти, а ноги и вовсе были покрыты шерстью полностью и завершались массивными свиными копытами. Голова монстра, напротив была лысой, вместо шевелюры её украшала два витых, несимметрично растущих рога.

На лицо демона бросить взгляд Джессике было слишком жутко. Создание источало такую ненависть и злобу, что не оставалось ни малейшего сомнения — оно злое, по-настоящему злое, далеко за пределами бытовых, повседневных представлений человека о зле.

Но самым ужасным сейчас было то, что находилось у демона между ног — почти полуметровый, покрытый выступающими шипами, язвами и чудовищными наростами орган, полностью убедил девушку, что она сегодня умрёт. Выдержать такое попросту невозможно.

Гортензия, в ответ на её мольбу, лишь сильнее прижала локти девушки к полу.

До крови прокусив губу, когда монстр одним движением ринулся вперёд, Джессика изо всех сил попыталась сосредоточиться на лице подруги. Её хватило на полторы минуты, после чего малодушие трусливой девчонки в её душе взяло верх. С криком боли девушка попыталась отстраниться, одновременно дёргая ногой в сторону угрозы и ударяя стопой прямо в морду чудовища. В ту же секунду она почувствовала, что верные руки подруги отпускают её, а ещё через мгновение новая яростная боль охватила всё тело Джессики. — Тупорылая сучка. — ведьма сплюнула через зубы, вставая с колен и со злобой пнула охваченное огнём тело девушки, скорчившееся в магическом круге. — Неужели это стоило лет, потраченных на воспитание подходящей девственницы?

Одним движением Гортензия подхватила и натянула на голое тело чёрную мантию, а затем быстро покинула комнату, бросив на ходу:

— Плата за её душу по стандартному тарифу.

Не дожидаясь ответа от создания, уже растворявшегося обратно в воздухе, но не забывшего, однако, прихватить с собой не прекращающую вопить душу мёртвой девушки, ведьма захлопнула дверь.

Примечание к части

* — Scire, Velle, Audere, Tacere (Знать, Желать, Сметь, Хранить молчание) — четыре слова магов по Элифасу Леви, Ire (Идти) - слово сфинкса по Алистеру Кроули.

P.S. Да, таки тайм-скип. К прошедшим событиям потом ещё вернёмся, но пока слишком рано раскрывать все карты.

Японская эстетика. Часть 1

31 октября 1949 года. 18 часов 26 минут

Бесконечный поток усталых людей тянется из одного конца Гиндзы* в другой. С серыми, скучными лицами, они проходят мимо грязного бродяги, приткнувшегося со своей жестяной миской в тёмном вонючем проёме между зданиями.

Не самое удачное место для попрошайки, но здесь его почти не беспокоили полицейские и другие бездомные, а выпрошенных денег хватает на то, чтобы не умереть с голоду и даже остаётся, совсем чуть-чуть – на давнюю мечту Ганца – мужчина отбирал или выменивал купюры покрупнее, откладывая на оплату нескольких месяцев аренды комнатки в районе трущоб – шанса снова влиться в общество, стать полноправным членом социума.

Он привык так жить. Привык к серости и грязи, к множеству безразличных людей, наводнивших его страну после поражения, к надоедливому дождю и отсутствию ярких красок, оставшихся в прошлом – за Японо-Американским договором и августовскими бомбардировками.

Бродяга считал, что любое избавление от этой утомляющей серости в конечном итоге может быть только благом, но вот – в привычные серые будни вмешалось нечто чужеродное. Новый цвет, подобно ножу разрезал реальность бездомного, привлекая внимание.

Ганц бросает взгляд туда, на другую сторону улицы, где нечто неправильное всплыло на периферии сознания, и в то же мгновение его чуть ли не тошнит.

Там, красивая, совсем юная девушка, выделяющаяся из толпы разве что чуть более ярким и дорогим костюмом, не совсем подходящим мерзкой погоде, быстрой лёгкой походкой направляется куда-то по своим делам.

Но Ганц наблюдает нечто совсем иное. Невыносимая, омерзительная тьма, охватывающая мир от земли до самой крайней достижимой глазу высоты небес. Вопли, крики, скулёж и вой тысяч раздираемых безумной агонией глоток. А главное – смрад, непереносимо тошнотворная вонь брошенных без погребения, гниющих и разлагающихся тел, распространяющаяся на всё вокруг.

Сквиб, давно бежавший из магического мира, видел многое. Людей, презирающих и уничтожающих другие народы. Американских солдат, насилием и пытками добивавшихся покорности от проигравших. Врачей отряда 731, возвращающихся домой из Китая.

Психопатов и преступников, высыпающих на улицы в надежде, что послевоенный хаос скроет их злодеяния. Доводилось видеть Ганцу фрагменты передач с военными призывами Коноэ Фумимаро и откровениями Роберта Оппенгеймера. Но у всех людей, которых он знал до этого момента, было что-то, что заставляло их поступать так, а не иначе. Была цель, идеология, потребности – на худой конец.

Причины, заставляющие совершать злодеяния, но никак не наоборот.

А тем временем поток людей продолжает течь своим чередом, не подозревая, что каждый из них сейчас жив лишь потому, что страшная девушка в дорогом костюме просто-напросто оценивает жизни окружающих дешевле, чем время, которое понадобится ей на то, чтобы их все оборвать.

И потому Ганц продолжает тихо стоять с протянутой жестяной миской, моля Христа, Будду, Аматаэрасу и даже давно позабытого Мерлина, о том, чтобы слиться с общей людской

массой, остаться недостойным внимания этой девушки. О том, чтобы она не догадалась, что он заметил. Бежать, бродяга даже и не думает, ведь бежать – значит привлечь внимание. Это он понимает чётко.

Но к несчастью, похоже, Ганц всё же чем-то выдал себя. Потому что в этот момент чудовище сворачивает со своего пути прямо на проезжую часть и легко перейдя магистраль непосредственно перед носом проезжающего автобуса, как ни в чём не бывало приближается к нему.

– Эта страна. Знаешь, мы на дне ямы. И наша судьба интересна. Конечно, страдания тоже слишком велики. Но как я вижу — это шанс на всю жизнь. Без разрушения нет созидания. Нет никаких изменений**.

В миске у попрошайки что-то звенит. Он боится взглянуть, что же именно.

Она уже давно ушла, а Ганц так и остаётся стоять с протянутой рукой и выпученными глазами, дыша через раз и ощущая, как нечто липкое и мерзкое стекает по его штанине. Наконец, когда до бродяги наконец доходит, что он всё ещё жив, тело сквиба сотрясает, и бедолага начинает блевать. Страх и отвращение были слишком велики, чтобы удерживать их в себе.

Сверхъестественная эмпатия – не замеченный магическим обществом и не оцененный в должной мере самим носителем дар, неоднократно спасавший сквиба и уберёгший в самые непростые времена, в этот раз сыграл с Ганцом злую шутку. Обезумевшими глазами бродяга смотрит на пару золотых монет в своей кружке, узнавая в них давно забытые деньги магов, и принимая решение сбежать туда, где магический мир не имеет интересов и влияния, туда, куда ни за что не докатиться новая война.

Спустя три месяца, труп неизвестного, отощавшего мужчины без документов сбросят в общую яму-свалку вблизи города Декамере***. Так, в агонии от терзающих тело паразитов и нарывов, поражённый гельминтозом****, закончит свой век человек, успешно переживший гонения грязнокровок, мировую войну, чистки улиц, атомные бомбардировки и беспредел американских карателей.

Несколькими часами позже

В большом пустом помещении собрались шестеро – девушка европейской внешности и пятеро мужчин-азиатов, двое из которых, очевидно, выполняли роль её охраны, а трое – жертв, в настоящий момент сидящих на коленях прямо на бетонном полу.

– Боже, прошу! – один из сидящих мужчин мужчина расплакался.

– Бога? Как глупо взывать к нему. Он был один, на протяжении вечности, не имея ни детей, ни родителей, и никого, кто был бы рядом и подобен ему*****. Бог давно сошёл с ума, – девушка смеётся хрустально чистым, радостным смехом, но никто её не поддерживает. – Взгляни: этот мир, задыхающийся от войн, насилия, болезней, тонущий в крови и людских пороках – не свидетельство ли его помешательства? Но не нам судить его, верно? Даже за год человек обезумевает от одиночества. И будь творец сколь угодно велик – вечности должно быть вполне достаточно даже для него.

Все кроме девушки – опять молчат, впрочем, это не особо её волнует.

– Между тем, почему бы тебе не просить меня. И не надо ползать в ногах, – она продолжает диалог, как ни в чём не бывало - Мы все цивилизованные люди, верно? Я представитель твоего работодателя, и сейчас ты должен доказать мне, что вы осознали

свои ошибки, и что нам не придётся прибегать к крайним мерам, таким, как увольнение.

– Уво...? – восклицает с изумлением начавший разговор мужчина, но поймав на себе взгляд холодных карих глаз, быстро замолкает.

– Конечно, нам не хотелось бы оставлять ваши семьи без постоянного источника дохода, осознавая, насколько сейчас тяжела ситуация в стране. Это создаст плохой имидж нашей фирме на рынке труда. Но мы и не можем просто проигнорировать факт кражи. Вы понимаете меня?

– Мы не крали! Я прошу... мы взяли новый товар, и хотели продать немного от своего имени. Мы не трогали ничего чужого!

– Правда? Ну а как же недополученный доход? Товар нашей компании вынужден был конкурировать со сторонним у наших же официальных дилеров. Вы считаете, что это правильно?

– Мы не подумали...

– И это я ещё не говорю о том, что ваш доход стал больше, и вы таким образом скрыли от нас его часть. Кто всё это придумал?

– Фукуи, я клянусь.

– Фукуи. – подтвердил второй из сидящих на полу мужчин.

Третий мужчина промолчал, сверля девушку перед собой тяжёлым взглядом.

– Я поняла. И как же будут предложения по решению возникшей проблемы с вашей стороны?

– Мы вернём всё до йены!

– Хорошо. В этом обезумевшем мире, кто, как не люди, могут вернуть спокойствие и простую человеческую теплоту в отношениях между друг другом. Я всегда верила во второй шанс – как никак, те, кто однажды совершили проступок и приняли ответственность, будут осмотрительнее в будущем, и в чём-то, это даже хорошо. Они уже не зелёные новички, и как бы того не хотелось, не существует людей, что не совершают ошибок – главное – вовремя учиться на них. Так что Мацуо, Нисида, будем считать этот разговор вашим первым выговором, – девушка искренне улыбается, склонив голову на бок, после чего протягивает руку к сумочке у себя на поясе и достаёт оттуда пистолет. – А это – мы будем считать увольнением.

Гремит выстрел. Фукуи падает, разбрызгивая кровь и кусочки мозгов по пыльному бетону. Застрелившая его, всё с той же улыбкой, прячет пистолет обратно, после чего склоняется к останкам и зачерпывает двумя пальцами грязную красную массу, бывшую некогда содержимым черепной коробки.

– Не совсем то, что обычно подразумевают под этим словом, – она отправляет пальцы в рот, жадно слизывая пыль, грязь, кровь, и остатки мозга; один из амбалов-охранников морщится, а Мацуо ошутимо зеленеет, наблюдая эту сцену. – Но такова уж специфика нашей работы. Нельзя обойтись одной лишь плохой рекомендацией на следующее место работы.

Полностью удалив всю грязь с руки, девушка вытирает оставшуюся на пальцах слюну о бок своего платья.

– Я жду, что вы компенсируете полную стоимость проданного вами товара до конца следующей недели. Мне не хотелось бы ещё раз возвращаться к данному разговору. Наша компания очень ценит своих сотрудников. Так что мы надеемся обойтись без новых увольнений.

Развернувшись на каблуках, девушка быстрой походкой покидает подвал, не обращая больше внимания как на перепуганных торговцев наркотиками, так и на двух охранников, безмолвно устремившихся за ней.

Пару минут спустя

- Тебе не понравились мои слова? Верующий-якудза? Ты хотя бы представляешь сам, насколько это смешно? – обратилась Гортензия к одному из охранников, когда они покинули помещение бывшего склада.
- Я был на войне. – нехотя буркнул громила.
- И что? Ты про ту чушь вроде – «в окопах атеистов нет»*****? В курсе, что это всего лишь когнитивные искажения твоего разума? Он не мог самостоятельно выдержать весь ужас происходящего вокруг, вот и придумал себе, будто бы чувствует незримую поддерживающую длань высших сил. По тому же принципу древние люди, жившие в постоянном стрессе, выдумывали себе целые пантеоны разнообразных божков.
- ... – охранник-якудза лишь стиснул зубы.
- Хорошо, даже если не касаться самого вопроса веры, неужели ты не задумывался – что всё тот же ужас, что окружает тебя – дело рук этого самого Бога? А даже если и нет – то для чего лично тебе почитать Его? Я терпеть не могу подобного лицемерия. Ты же грешник, преступник, и без того наверняка приговорённый к Им вечным мукам – так похули Бога, и живи спокойно*****.
- Это не важно. Вы не были там, и не можете представить, какого это – даже задуматься о том, что всё вокруг существует впустую – и что там, наверху – никого нет. В такие моменты ты начинаешь уважать и любить богов просто за то, что они есть. Гортензия презрительно усмехается.
- Пугаете напрасно, тем, что миры безмерны и безгласны и небеса мертвы. Здесь, за дверьми, пространства столь же пусты и ужасны*****. Я хочу побыть одна, оставьте меня. До дома я и без вашей охраны доберусь».
- Покрытые татуировками громилы, лицо одного из которых пересекает уродливый шрам, а у второго не хватает пары фаланг на левой руке, не стали спорить.
- Надеюсь, эта сучка сдохнет по пути, нарвавшись на кого-нибудь, кому лидер успел перейти дорогу. – бросает вслед мужчина со шрамом, когда спина шатенки скрывается за поворотом соседней улицы.

В тот же день

- По улицам, залитым водой, на которые продолжает моросить дождь, на встречу друг другу двигаются две фигуры.
- Одна – одетая в классическое японское кимоно, прикрываясь от дождя широким красным зонтом, скрывающим большую часть лица – передвигается как будто рывками. Вторая – в стильном чёрном платье, насквозь промокшем, идёт вперёд уверенным быстрым шагом.
- Наконец, эти двое оказываются рядом, посреди абсолютно безлюдной, словно провалившейся в иное измерение улицы.
- В сторону летит красный зонт, более не скрывая прекрасные черты лица молодой девушки, часть которого, однако, покрывает медицинская повязка.
- Я красива? – задаёт она вопрос встречной.

На лице той, что носит платье, проступает жестокая ухмылка.

– Ты Кутисакэ-онна^{*****}, дух мстительной девушки из сказочек? Просто превосходно!

Я, похоже, нашла временную замену моей прекрасной Фригг^{*****}.

Примечание к части

* – Гиндза – один из крупнейших кварталов Токио.

** – Героиня цитирует речи Оды Нобунаги, японского феодала-диктатора, прославленного своим жестоким правлением и военными победами.

*** – Декамере – город в Эритрее, южноафриканском государстве, пришедший к тому моменту в упадок, в результате столкновения Италии и Британии на территории бывшей итальянской колонии.

**** – Гельминтоз – общее название заболеваний, вызываемых паразитическими червями.

Можете погуглить картинки =^_^=

***** – Отсылка к Корану 112:1-4. Пожалуйста, не отрезайте мне голову >_< Героиня является олицетворением греха и порока, потому и богохулит.

***** – Всемирно известное выражение, появившееся, вероятно, во времена Второй мировой войны.

***** – Иов. 2:9, искажённая цитата. Оригинал – «Похули Бога и умри».

***** – Роберт Фрост. «Пространства».

***** – Кутисакэ-онна – персонаж японских городских легенд, дух прекрасной женщины с изувеченным лицом.

***** – Фригг – скандинавский аналог Цибелы и Реи. Гортензия продолжает коверкать имя бывшей хранительницы.

Японская эстетика. Часть 2

Внимание:

Во-первых, я прошу у вас прощения за сцену в этой главе. Мне было нелегко её написать, и вряд ли она в итоге получилась так уж хорошо. Но я думаю, что она необходима, дабы показать, насколько же героиня на самом деле психопатична, и как сильно её чувства отличаются от чувств обычного человека.

Во-вторых, в этой главе много диалогов, и я решил, что для простоты восприятия произносимой информации, стоит сократить сопровождающий текст. Пожалуйста, отпишите в комментариях, какое у вас мнение на этот счёт. Если будут в основном негативные отзывы, я перепишу главу и больше не буду использовать такой стиль в дальнейшем.

3 сентября 1949 года. 3 часа 46 минут

— Удались, говорю я тебе, но будь готов явиться, когда я позову тебя, должным образом вызывая и заклиная с помощью священных ритуалов магии. Я обязываю тебя удалиться спокойно и тихо, и, быть может, покой Божий навсегда сохранится между мной и тобой. Амен!*

Чародейка наложила крестное знамение, шёпотом прочитав молитву, после чего взмахнула рукой, и, повинувшись взмаху, с пола начали пропадать круг, треугольник и прочие магические построения, начерченные на камне сияющим белым светом. Кутисакэ-онна тут же поспешила покинуть своё место в бывшем круге рядом с колдуньей. — Эй, это же была светлая магия?! — с изумлением и каким-то суеверным ужасом восклицает девушка.

— Разумеется. И что тебя смущает? — интересуется Гортензия с лёгкой насмешкой в голосе.

— Я думала, ты — тёмный маг. Разве ты не должна договариваться с демонами?

— Договариваться? Это неэффективно. Путь дилетантов, возомнивших себя великими магами, а по факту — просто превращающихся в рабов каких-нибудь мелких бесов. Чем служить тёмным силам, правильнее просто подчинить их своей воле, и светлая магия тут как нельзя кстати.

— Но как ты вообще можешь быть способна её применять?

— А почему нет? Я же человек, в конце концов. Или ты правда думала, что раз я — злодейка, то это что-то меняет?

— А разве нет?

Ведьма переходит на полушёпот, но в то же время её голос дрожит, в порыве то ли ярости, то ли торжества, отчего становится отдалённо похож на шипение расшвирипевшей змеи:

— Открою тебе страшную тайну Вселенной. Зло — лишь игра. Обезьяна — передразнивает Тота**, Дьявол — Творца. Но по факту эти сущности — есть одно. Бог сотворил Сатану, а для Него есть лишь один способ творить — из себя самого. Так что и сам Сатана мог бы использовать светлую магию если бы пожелал, но само это желание будет чуждо его природе, только и всего. Ну, а у природы человека — ограничений нет.

Мы же образ и подобие, как-никак.

— Я тебя не понимаю.

— Смотри, та магия, что я только что применила — гоэтия. Зло подчиняется, при помощи сил добра. Сам принцип лежит в основе Вселенной. Бог позволяет Дьяволу насыпать болезни, смерти и несчастья — потому, что так нужно Богу. Бог позволяет нечистым духам мучить и пытаться людей — потому, что так нужно Богу***. В конечном счёте — даже Храм Соломона — и тот был построен демонами****. Так что вся разница — не более, чем разница в восприятии. А я слишком умна, чтобы позволить какому-то восприятию помешать моему колдовству.

— Хочешь сказать — Бог сам творит зло?

— Нет. Он повелевает силой, которую люди могут называть злом, но лишь для того, чтобы творить добро. Я же — напротив использую методы добра, но лишь для себя, то есть — для того, чтобы творить зло.

— Иными словами, если я правильно тебя поняла, ты заявляешь, будто играешься с добром, подражая Богу — который управляется со злом?!

— Да. Как я и сказала. Это всего лишь игра, подражание. Вот что я такое. Кривое зеркало, которое отражает свет. Говоря проще, можно взять нож, чтобы зарезать овцу во славу Божию. А можно — чтобы прикончить брата****. Я из тех, кто всегда выбирает второе.

— Ты — чудовище с искажённым рассудком, вот что ты такое.

— Эй, разве простейший способ обрести бессмертие — это не прогнать Бога от своего пристанища*****? А некоторые бьются над этой задачей десятилетиями.

Гортензия смеётся очаровывающе прекрасным, но в то же время, вызывающим внутри не поддающееся объяснению чувство гадливости, смехом.

— Я тебе не верю. Это просто какой-то трюк, — заявляет дух.

— Я обожаю лгать, — ведьма в одно мгновение прекращает смех. — Но я никогда не вру в том, что касается магии или взаиморасчётов. Первое — противно моей природе, второе — не выгодно в долгосрочной перспективе. Что важнее — ты нашла то, о чём я тебя просила?

— Да. Ты сможешь этой девочке?

— Тебя волнует её судьба?

— Меня, как и её, использовали мужчины, облечённые властью. От рождения, я отобрана у матери и была воспитана как гейша, чтобы ублажать богатых клиентов. Им нравилось моё тело, но они хотели также и мою душу. Их бесило, что они так и не смогли сломить меня, и в итоге — они изувечили меня. А когда я стала бесполезна — убили и бросили гнить. Её история так похожа на мою...

— Ты же в курсе, что ты — просто энергетическая сущность, порождённая словами и верой множества людей и наделённая подобием тела благодаря остаткам магии от ритуалов, в том числе моих и тех людей, за которыми я охочусь, а вся эта история в твоём сознании — не более чем один из способов упорядочить весь тот бред, что люди насочиняли об Кутисакэ-онна?

— Для меня это не имеет значения.

— Что же, сожалею. Но я режу братьев, а не овец.

Несколькими днями ранее

Сквозь плотную пелену дождя почти не различить того, что происходит уже в нескольких метрах. Струи воды хлещут, подхваченные мощными порывами ветра, прямо в лицо, а сам ветер рвёт и треплет мокрую до последней нитки одежду, будто пытаюсь сорвать её вместе с плотью и кожей. Мутная вода и грязь, текущие по улицам и мешающие даже просто сделать шаг без риска оступиться, окончательно превращают пешее перемещение в пытку.

А уж об обеспечении хоть какой-либо безопасности не приходится и говорить, что заставляет охранников чудовищно нервничать и в бессильной злобе проклинать взбалмошную девку, предпочитающую, даже в такую дрянную погоду, таскаться пешком. Внезапно один из охранников, пытаюсь высмотреть на пути возможную угрозу, замечает нечто, что заставляет его невольно вскрикнуть, привлекая внимание Гортензии:

— Шеф, тут...

Мужчина тут же жалеет о несдержанности, и собирается пройти мимо израненного, тяжело дышащего ребёнка, валяющегося рядом с дорогой, однако девушка уже заметила причину выкрика и успевает буквально за один неощутимый миг оказаться рядом. Гортензия присаживается на корточки и аккуратно поворачивает тело, облачённое в мокрое, во многих местах пропитавшееся кровью, тряпье, лицом вверх, укладывая голову ребёнка себе на руку.

Ребёнком оказывается девочка, лет семи. Увидев над собой лицо человека, девочка тихо сипит охрипшим голосом:

— Пожалуйста, помогите.

— Что случилось? — охранник бы сказал, что это ненормально — пытаться расспросить тяжело раненного, вместо попыток оказать первую помощь или найти врача, но девочка не обращает на это внимания, очарованная невероятной доброй улыбкой и полным сострадания взглядом Гортензии.

— Моя сестра... прошу. Плохие люди мучили её. Прошу... — снова засипел ребёнок, пытаюсь донести важные для неё слова.

— Я слушаю, — приободрила девушка. — Что с твоей сестрой?

— Да она при смерти! Едва ли она может нормально говорить. — вмешивается охранник, однако он тут же был прерван властным взмахом руки.

— Моя сестра. Плохие люди... Якудза... Они похитили сестру и меня. Заставляли её делать плохие вещи, угрожая... — в этом месте голос ребёнка становится совершенно неразборчивым, по щеке стекает слеза, — ... меня. Она делала. Но потом она заболела и нас выкинули. Пожалуйста... Я если найдёте мою сестру... спасите.

— Ты скажешь, где она?

Лицо ребёнка искажается от боли от отчаяния.

— Я... не помню...

— Понятно. Последний вопрос. — от тона, которым это было произнесено, у охранников психопатки пробегают мурашки по коже — Твоя сестра — она красивая?

— Да. Очень.

Девочка улыбнулась, вспоминая нечто дорогое. Она уже не в состоянии заметить ноток безумия в голосе девушки с добрыми глазами, а также неестественно прямых спин и испуганных лиц мужчин рядом.

На эти последние слова и улыбку у ребёнка, казалось, ушли все самые последние остатки сил и упрямства. Её глаза закатываются и стекленеют, а лицо, так и сохранившее наивную детскую улыбку, начинает бледнеть и застывать посмертной маской.

— Она мертва. — комментирует очевидное мужчина, обнаруживший девочку.

— Не важно, идём. — Гортензия поднимается на ноги, небрежно роняя голову погибшей

девочки обратно в коричневую грязь.

И лишь после того, как троица возвращается в шикарный, по меркам послевоенной Японии, дом, а охранники покидают помещение, колдунья обращается к пустоте за своим правым плечом, где тут же возникает фигура девушки в белом кимоно:

— Ты всё слышала?

— Да. — подтверждает Кутисакэ-онна.

— Найдёшь для меня эту «сестру», если она всё ещё жива.

— Это невозможно. В Токио она могла бы оказаться где угодно.

— Вряд ли ребёнок мог уйти слишком далеко. Так что ищи неподалёку. Подвалы, чердаки, склады, заброшенные дома — осматривай в первую очередь.

— Даже так — это тысячи мест!

— С чего ты взяла, что это меня волнует? Не найдёшь способ справиться даже с таким простым поручением — пожалеешь.

3 сентября 1949 года. 18 часов 32 минуты

— Твоя сестра не соврала. Ты и правда прекрасна.

Голос тёмной ведьмы разнёсся по подвальному помещению. Слишком живой для этого пропахшего нечистотами и гнилым мясом места. Источником запаха, кстати, и являлась та, к кому обратилась Гортензия — покрытая струпьями, уродливыми шрамами, ожогами и гематомами, девушка лежала в центре подвала, на ворохе газет, картонок и ткани неизвестного происхождения, перепачканных кровью и гноем, вытекающими из многочисленных ран, находящихся в таком ужасном состоянии, что сложно понять, каким чудом девушка до сих пор оставалась жива.

— Сестра? Ты видела Момоко? — больная с трудом поднимает голову и глядит на пришедшую, к её сожалению — та была одна.

— Да. Я видела её. Увы, сама она на тот момент была в слишком тяжелом состоянии и скончалась вскоре после нашей встречи.

— Вот как... Значит, Момоко всё же... — голова изувеченной девушки бессильно опускается на грязную подушку.

— Перед смертью, она рассказала, что случилось с вами и умоляла найти тебя и помочь. Гортензия приближается к импровизированному лежаку и опускается на колени рядом с девушкой. Та переводит на ведьму потерявшие всякое живое выражение глаза и шепчет:

— Помочь мне? Я не хочу. У меня больше нет причины жить. Я пыталась держаться — ради Момоко, — девушка захрипела и откашлялась, из раны на её лице потекла тонкая струйка крови. — Они сказали, что наша мать задолжала им, потому они убили её. Они избивали сестру каждый день, а у меня — требовали денег взамен, угрожая забить её до смерти. Но я не могла зарабатывать столько, сколько они хотели. Так что мне пришлось стать их шлюхой. У якудзы своеобразные представления о развлечениях. Попытки огнём, водой, шрамированием — я соглашалась на всё, лишь бы сократить долг. Я думала, что, если буду держаться, они, по крайней мере, пощадят сестру. А потом мой хозяин заявил, что нашёл способ для нас расплатиться с долгом — что один из главарей его нового партнёра, обожает маленьких девочек. Вот только он болен сифилисом.

Новый приступ кашля прерывает рассказ.

— Он говорил это, смеясь. Ему нравилось мучить меня. Я умоляла позволить мне занять место сестры. Он согласился. Но «в качестве платы» за это — они решили «сыграть» со

мною последний раз, потому что трахаться с больной после — будет слишком опасно. Я плохо помню, что было дальше. После всего, что сделали они и этот заразный ублюдок — я уже не могла заботиться об Момоко.

Больная останавливает рассказ на какое-то время из-за слёз, что душат её. Гортензия не перебивает.

— И перед тем, как вышвырнуть нас... Они избили её. Сломали несколько костей. Она даже не могла ходить, а я не могла принести ей еды и воды. Не знаю, как мы оказались здесь. Наверное, кто-то из этих ублюдков притащил сюда, чтобы не привлекали внимание на улице. Со временем, сестре стало немного лучше. Она стала отлучаться. Приносить еду. Эти вещи.

Девушка слегка встряхивает головой, указывая на картонки и ворох тряпья на каменном полу.

— Я знала, что она не до конца поправилась. Что убивает себя, тратя последние силы на заботу обо мне. Но ничего не могла поделать. Только смотреть, как ей с каждым днём становится хуже.

Гортензия склоняется над изувеченной девушкой, приблизившись вплотную к её лицу и заглядывая в глаза несчастной.

— И чего же ты хочешь? — прошептала ведьма.

Что увидела девушка в глазах чудовища — известно лишь ей одной, однако лицо её перекошило от ужаса, но в следующую же секунду она вдруг успокаивается, а на изуродованном лице проступает нечто, скорее напоминающее улыбку. Ей к тому же удаётся справиться со своим голосом, и он даже почти не дрожит, когда больная выплёвывает одно, единственное слово:

— Отомстить.

— Мечь? Хорошо. Подобное желание для меня вполне ясно, — Гортензия улыбается в ответ ясной, очаровывающей улыбкой. — Но увы, всё не так просто. Видишь ли, я ничего не даю бесплатно.

— И чего ты хочешь взамен? — девушка пытается растянуть губы шире, но напряжение лицевых мышц вызывает у неё болезненный спазм и неконтролируемый кашель. — Мою душу? Забирай!

— Душу? Мне она без надобности. Однако, есть кое-что, что заинтересовало меня ещё с тех пор, как я услышала рассказ твоей сестры. — ведьма нежно целует израненные губы, — Ты не расстроишься, если я попрошу у тебя ту же цену, что и твои мучители?

— Моё тело? Если ты сможешь отомстить за меня и Момоко, и, если в таком виде я тебе интересна — делай всё, что захочешь.

— Договорились.

Гортензия повторяет поцелуй, в этот раз куда настойчивее и с большей страстью, проникая языком в рот пострадавшей, после чего отстраняется и облизывает испачканные чужой кровью губы.

Губы ведьмы спускаются вдоль шеи, приближаясь к истерзаным, рассечённым гноящимися ранами грудям. Чёрное платье Гортензии само расстёгивается и спадает с тела.

Язык чародейки тем временем обводит чудом уцелевший сосок девушки, а рука гладит живот и спускается ниже, туда, где вся плоть представляет из себя одну чудовищную, грязную рану.

Больная сжимает зубы, и закрывает глаза, готовясь привычно отрешиться и терпеть ужасную боль. Однако, вместо боли приходит... удовольствие.

— Я изменила твои ощущения, отключив чувство боли. Так что прояви больше

активности, ладно? Я хочу хорошо провести этот вечер.

Ведьма страстно целует поражённую гангреной и язвами часть груди, проникая языком в омертвевшую, вонючую плоть. По руке ведьмы тем временем стекает вперемешку с кровью тёмно-жёлтый, густой, омерзительный гной. Однако весь ужас и мерзость производимого действия ни капельки не трогает колдунью.

Как и её любовницу. Поддаваясь очаровывающему голосу и ласкам ведьмы, девушка устремляется вперёд, впервые за долгое время, не ощущая боли от перемещения в пространстве, и обнимает менее пострадавшей правой рукой стройное обнажённое тело пришедшего к ней монстра.

Счастливый, сладострастный стон разносится по помещению.

4 сентября 1949 года. 18 часов 11 минут

Гортензия собирала вещи, когда в помещение, без стука и тщательно прикрыв за собой дверь, зашёл пятидесятилетний японец, кого ещё недавно она называла своим «отцом». Мужчина выглядел потерянно, но в то же время — весьма решительно.

— В какой-то момент я задумался. Как может быть, чтобы у меня была взрослая дочь? Да ещё и европейка.

— И? Что же пришло тебе на ум? — ни капельки не смущается ведьма.

— Что я больше не нужен тебе. Раз уж я сумел заметить это. И как вижу не ошибся — ты как раз собираешь чемоданы.

— Я хотела сделать это позже, но поскольку ты сам пришёл... — Гортензия мгновенно вскидывает выхваченный из-за пояса пистолет и наставляет его на мужчину.

— Последнее слово?

— Спасибо.

— Что, прости? — девушка озадаченно склоняет голову на бок.

— Я говорю — спасибо. Не думал, что узнаю, что значит — иметь дочь. Так что, пусть это было и недолго, и даже против моей воли — я благодарен тебе, и умру спокойно. Для главы якудза я и так уже достаточно стар. У нас не принято доживать до дряхлых лет. И смерть от руки той, кого ещё недавно считал своей дочерью — прекрасный вариант.

— Как мерзко, — Гортензия прячет пистолет и возвращается к своему занятию. — Ты далеко не глупый человек, но твои слова — просто образцовый пример идиотизма.

— Не станешь стрелять?

— Я могу прикончить тебя в любой момент. Ты же и сам понимаешь, что в моей власти, верно? А пока — можно и поговорить?

— Поговорить? Я не против. Думаю, ты знаешь, что моя жена умерла ещё до того, как я занял это место. Я никогда так и не сумел полюбить другую. Я, конечно, пробовал завести детей, но ничего не вышло. Думаю, боги видели, что я не искренен в своём желании. Но зато — они послали мне тебя. Когда вы с подружкой появились здесь год тому назад — я впервые почувствовал, что такое — иметь любимого ребёнка. И сейчас я наконец-то понимаю, что я потерял за эти годы. И мои чувства — они были искренними, даже если память обманывала меня. Хотя это любопытно — за весь год ни я, ни мои люди, даже не подумали о том, как нелепо, что моя дочь — не японка.

— Это заклятье — конфудус. Любой более-менее сильный маг может наложить его, и простой человек никогда не поймёт, что в его мыслях что-то не так, до тех пор, пока

заклятье не будет снято.

— Понятно. Так всё-таки вы — маги. Этот вариант изначально казался мне более логичным, по сравнению с версиями об инопланетянах и правительственных шпионах. Кстати, а твоя подруга, Джессика где она сейчас?

— Это не важно.

— Хорошо, — мужчина покорно склоняет голову. — Тогда скажи, почему ты сняла заклятье сейчас, для чего дала мне время?

— Ну, если честно, мне просто захотелось увидеть, что произойдёт. Я ожидала криков, попыток убить меня, истерики. Но ты поступил... странно.

— Я уже сказал — я благодарен тебе. И не стал бы пытаться убить тебя, даже если бы думал, что смогу.

— Повторюсь — это глупо, — ведьма отворачивается, застёгивая чемодан; какое-то время проходит в тишине. — Ты знаешь. Я родом из СССР. Мой настоящий отец погиб. Его убили, по подозрению в измене. Тогда шёл 37-й год. Постоянные чистки. А отец был военным. В какой-то момент, к нам в квартиру вломилась группа в болотно-зелёных кителях. Отец не сопротивлялся. Последнее, что я помню о нём — он молил, чтобы они не трогали меня и маму.

Ведьма усмехается.

— А через год — нам пришла телеграмма. Отца расстреляли. Глупая смерть. Думаю, он мог бы сохранить свою жизнь, если бы не обуза в виде жены и ребёнка. Как я понимаю — ему предложили договориться. Они закрывают глаза на семью «предателя», а он — соглашается со всем, что ему говорят.

— Если это правда, то твой отец сделал верный выбор.

— Бред. Он был в том возрасте, когда запросто мог найти другую жену и завести нового ребёнка. И я на его месте нашла бы сотни возможностей избежать смерти, но всё о чём он мог думать — о жизни других людей. Глупое поведение, основанное на инстинктах, обусловленных несовершенством нашего вида. С точки зрения биологии — сохранение потомства — путь, обеспечивающий большую вероятность выживания популяции. Именно потому эта черта и укоренилась в нас. Однако для индивида всегда наиболее выгодной будет забота лишь о самом себе. Кстати, мать погибла в течение года после известия о расстреле отца. Так что ему даже её не удалось спасти.

— То, что он спас тебя, более чем достаточно.

— Забавное утверждение, учитывая то, что я — та, кто собирается убить тебя. Кстати — я закончила здесь.

Гортензия подхватывает собранный чемодан и делает шаг к двери, приближаясь к пожилому мужчине. Тот желал встретить кончину с открытыми глазами, однако, в последний момент смалодушил — девушка так и не достала пистолет, а умирать от неведомо колдовства — было слишком страшно.

Однако единственное, что чувствует старик — тёплый поцелуй на своих губах. А в следующий миг — слышит звук распахивающейся двери.

— Почему? — он задаёт один единственный вопрос, продолжая стоять спиной к уходящей.

— Я передумала. Но тебе придётся самому объяснять своим людям, откуда взялась дочь-европейка, что гостила у тебя некоторое время.

Скрипнула дверь, которой, в общем-то полагалось быть закрытой. Рин Масуда нервно дёрнула головой, отвлекаясь от бумаг.

В офис зашла девушка, которую Рин смутно узнала — кажется, это была одна из любовниц старшего лейтенанта*****, или что-то вроде того. Она старалась не лезть в дела непосредственно гангстеров, ограничиваясь лишь необходимым минимумом для ведения бухгалтерии.

Выглядела зашедшая страшно — Рин вообще не могла понять, каким образом та остаётся на ногах в таком состоянии. Такое чувство, будто девушка сбежала напрямиком из нараки*****, не дожидаясь перерождения.

Пока бухгалтер якудза пыталась понять, что ей делать в такой ситуации, незваная гостья, не произнося ни слова, внимательно осмотрела её, после чего склонила голову к правому плечу и растянула сжатые губы в широкой улыбке. Сквозь разорванный уголок рта медленно потекла по подбородку струйка густой чёрной субстанции.

Рин стало невыразимо страшно — она внезапно вспомнила, что ей как-то обмолвились, какая судьба постигла эту девушку, задолжавшую лейтенанту некоторую сумму денег.

— Нет! Пожалуйста! Я позову Араки. Он здесь, на другом этаже! Тебе же он нужен?

Гостья лишь раскрыла свой улыбающийся рот, демонстрируя миру чёрную, неопишемую бездну.

Примечание к части

* – Лемегетон. Часть 1. Гоетия (Малый ключ Соломона)

** – Отсылка к книге Алистера Кроули LIBER XXX AERUM. Vel Saecvli. SUB FIGURA CCCXVIII (Видение и голос). «Тот, однако, сопровождается Киноцефалом, собакаголовой Обезьяной, которая подражает и высмеивает все Его действия, и извращает Его речь».

*** – Отсылка к Книге Иова а также учению о попущении Божиим.

**** – Отсылка к ветхозаветному псевдоэпиграфу «Завещание Соломона».

***** – Быт.4. История Каина и Авеля.

***** – Отсылка к легенде об Агасфере. А также – ещё раз к книге «Видение и голос» Алистера Кроули («... ибо они ставили на Пилон знак кровью, чтобы не вошёл Ангел Смерти. Таким образом, они скрываются от общества святых»).

***** – Старший лейтенант - один из титулов в структуре якудза.

***** – Нарака – аналог ада в буддизме.

P.S. В следующих двух главах планируется встреча с Грин-де-Вальдом и его сторонникам.